

МОРЕ ВОЛНУЕТСЯ РАЗ

БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

18+

Кристина Кан

Море волнуется раз

<https://litres.ru/74074923>

SelfPub; 2026

Аннотация

В шестнадцать лет поздно узнавать, что вся твоя жизнь была аккуратно составленной ложью.

Поздно просыпаться с даром, которого не должно быть.

Поздно попадать в школу, где каждое правило звучит как предупреждение.

Поздно понимать, что море за куполом смотрит на тебя внимательнее, чем люди.

Кира Кан оказывается в месте, которое называют безопасным.

Но безопасность здесь слишком похожа на клетку.

Чем громче океан бьётся о чёрные скалы, тем труднее верить взрослым, расписанию и красивым словам о порядке. Потому что в Бермудском треугольнике ничего не исчезает просто так.

Оно ждёт.

Под водой.

За стеклом.

Внутри тех, кто ещё не понял, что уже выбран.

Содержание

Глава I. Дивный новый мир	4
Глава II. А ночь темна и полна чудес	59
Глава III. Магические сети	107
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Кристина Кан

Море волнуется раз

Глава I. Дивный новый мир

В четыре утра меня разбудила не гроза.

Сначала я подумала именно так: гром, дождь, очередной каприз погоды, слишком душная комната, неправильно закрытая штора. Что угодно, только не собственное сердце, которое билось так громко и часто, будто кто-то внутри меня колотил кулаком в запертую дверь.

Я лежала с закрытыми глазами и слушала этот стук.

Раз. Раз. Раз.

Будто море, которого в нашей высотке, разумеется, не было, накатывало на берег где-то совсем рядом. Хотя по ощущениям — заполняло меня изнутри, готовое утопить.

От этих ощущений стало неприятно. Я плотнее вжалась щекой в подушку и заставила себя дышать ровно. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Никакого моря. Никакой воды. Просто дождь за окном и слишком богатое воображение, которое решило проснуться раньше будильника и испортить мне день ещё до его начала.

О каменный подоконник шлепками бились крупные капли. За чёрными шторами мелькнула молния, такая яркая,

что я увидела её даже через веки. Через несколько секунд вдалеке прокатился раскат грома: глухой, тяжёлый, будто кто-то перекачивал по небу огромные железные бочки.

Я поморщилась и перекатилась на бок, уткнувшись носом в плюшевую акулу. Её когда-то давно подарила мне Аня — школьная подруга, если это слово вообще подходило к человеку, который дружил со всеми сразу и ни с кем по-настоящему. Акула пахла пылью, стиральным порошком и детством. То есть всем тем, что должно было успокаивать.

Не успокаивало.

Сердце всё равно билось так, будто знало что-то, чего я не знала.

Я не открывала глаза. Не потому что боялась, конечно. Просто если не открывать глаза, можно ещё немного притворяться, что ничего не происходит. А я очень ценила возможность притворяться, особенно по утрам.

Будильник всё не звенел.

Это было странно. Я редко просыпалась раньше него, почти никогда. Мой организм существовал по расписанию, и, если бы мог, наверняка вывесил бы на двери табличку: «Не беспокоить до шести утра». Ужин — в пять, сон — в девять, подъём — в шесть, завтрак — после душа и не раньше. Никаких спонтанных решений, ночных пробуждений, внезапных вдохновений и прочей ерунды, которой почему-то восхищались люди, называющие себя творческими.

Я была удобной. Организованной. Предсказуемой.

И, кажется, именно это начало ломаться первым.

Я открыла глаза и уставилась в темноту.

Комната постепенно вырисовывалась знакомыми пятнами: шкаф, кресло у окна, стол с ноутбуком, груда книг, которую я уже неделю обещала себе разобрать, и телефон на прикроватной тумбочке.

Мне казалось, я закрывала шторы на ночь.

Экран не светился. Значит, будильник действительно ещё не звонил.

Сев в кровати, я перегнулась через акулу, дотянулась до телефона и ткнула пальцем в экран.

04:00.

— Чёртовщина, — сказала я в темноту.

Голос прозвучал хрипло и чужо.

Четыре утра. Не пять пятьдесят семь, когда можно гордо сообщить себе, что организм проснулся сам, за три минуты до будильника. Не половина шестого, когда уже поздно пытаться уснуть обратно. Четыре. Абсурдное, нелепое время, в которое либо умирают герои глупых фильмов, либо рождаются идеи, от которых потом всем становится хуже.

Я снова легла на спину.

В голове всплыло название гормона, который примерно в это время достигает пика и заставляет организм в стрессе проснуться. Кортизол. Кажется, он. Или что-то похожее. Я могла бы сейчас полезть в интернет и проверить, но мне было лень. К тому же, никакого стресса у меня не было.

Ну, почти.

Сегодня вечером должны были приехать коллеги отца.

Родители сообщили об этом вчера за ужином так буднично, будто речь шла о доставке продуктов, а не о людях, ради которых мама за сутки до визита начала вытирать пыль там, где пыли в принципе не могло быть. Отец сказал: «К нам приедут Александр и его сын». Мама добавила: «Это важно». После чего оба замолчали с таким видом, будто дальше

мне нужно самой догадаться, почему это важно.

Я не догадалась.

Вообще взрослые переоценивали мою способность угадывать недосказанное. Если вам нужно, чтобы я что-то поняла, скажите. Желательно словами. Желательно не загадочными.

Для встречи с важными шишками стоило принарядиться. Это было единственное, что я поняла сама.

Брючный костюм? Платье? Если это «званный» ужин, не будет ли более уместным вечернее платье? А если деловой — не будет ли платье выглядеть так, будто меня выставили частью сервировки? Ненавижу платья: всё время нужно что-то поправлять, следить, как сидишь, как встаёшь, как идёшь. Огромный чёрный балахон — вот он, идеальный люкс для человека, который не хочет участвовать в чужих представлениях о приличном виде.

Гром глухо бухнул снова.

На секунду мне показалось, что стекла в окне дрогнули не от него, а от сердца. Я приложила ладонь к груди. Под кожей всё ещё неровно толкалась кровь. Слишком быстро. Слишком сильно.

— Успокойся, — прошептала я себе. — Просто ужин.

Слово «просто» прозвучало неубедительно.

Я закрыла глаза, вернулась в горизонтальное положение и попыталась уснуть. Получилось не сразу. Мысли возвращались к гостям, к отцовскому голосу, к маминой улыбке, которая вчера была слишком аккуратной. Потом к школе. К

аттестату, который я забрала всего вчера, к пустому лету перед поступлением, к невозможному вопросу «кем ты хочешь стать, когда вырастешь?», от которого у меня всякий раз начиналась внутренняя мигрень.

Месяц назад мне исполнилось шестнадцать.

А сегодня в четыре утра проснулась с ощущением, будто жизнь собирается повернуть куда-то не туда.

Размышления о школе всё же утащили меня назад в сон. Он был коротким и странным. Мне снилась вода, но не море — что-то темнее, глубже, почти чёрное. Я стояла на стеклянном полу, под которым двигались огромные тени. Кто-то звал меня по имени. Не громко, не настойчиво, а так, будто был уверен: я всё равно услышу «Кира»

Я хотела спросить, кто там, но вместо голоса изо рта пошли пузырьки воздуха.

Телефон завибрировал прямо в руке.

Я резко открыла глаза.

06:00.

Стандартная мелодия будильника звучала бодро и издевательски. Я нажала «выключить» так резко, будто телефон был виноват во всём, что происходило в моей жизни. Но ничего не происходило.

Проснуться во второй раз оказалось сложнее, чем в первый. Тело было вялым, как после болезни. Голова тяжёлая, затылок пульсировал. Я некоторое время сидела на кровати, пытаюсь понять, не подхватила ли простуду. Но температуры

не было, горло не болело. Просто внутри ощущалась странная пустота, будто я всю ночь куда-то шла и вернулась только телом.

— Прекрасное начало взрослой жизни, — пробормотала я.

Акула молчала. Умная.

День прошёл тихо. Дождь закончился к обеду, и город быстро сделал вид, что ночной грозы не было. Асфальт высыхал, стекла домов блестели, машины снова ползли по дорогам, а я сидела в гостиной с ноутбуком на коленях и листала сайты учебных заведений.

Экономика. Право. Управление. Информационные технологии. Международные отношения. Дизайн. Медицина. Педагогика.

Каждое направление выглядело как дверь в комнату, где мне заранее будет скучно.

Банкир, как отец? Слишком много цифр и чужих проблем с большими суммами. Юрист, как мама? Документы, споры, спокойный голос там, где я бы уже выбрала окно. Учитель, как бабушка? Она до сих пор говорила о чужих детях с неровной улыбкой мученика.

Компьютерные специальности набирали популярность. Я считала себя опытным пользователем: могла переустановить программу, найти решение ошибки, объяснить маме, почему «эта синяя штука» не является вирусом. Но посвятить жизнь технике не хотела.

Врачом? Уколы, кровь и люди, которые ожидают самообладания. Ветеринаром — то же самое, только пациенты милее, а значит, тяжелее.

Я не пела, не рисовала, не побеждала на олимпиадах и не строила планов захвата мира. Физически была крепче многих, потому что отец с детства настоял на тренировках, но перспектива жить по команде радости не вызывала.

Серая мышь.

Мысль была неприятной, но честной. Возможно, мне и правда стоило выбрать офис, бумаги, таблицы и аккуратный бейджик. Миллионы людей так живут. Может, я тоже смогла бы.

Почему-то от этой мысли захотелось открыть окно и заорать.

Я не заорала. У нас элитный дом. Здесь даже отчаяние, наверное, должно быть приличным.

— Кис, — позвала мама с кухни, — я забыла купить кукурузу для салата. Сходишь в магазин?

Я подняла взгляд от ноутбука.

Мама стояла в дверном проёме с деревянной ложкой в руке и видом женщины, которая одновременно держит в голове меню, рассадку гостей, температуру духовки, настроение мужа, проблему мирового голода и вероятность того, что дочь явится к столу в футболке с пятнами. То есть с очень высоким уровнем внутренней катастрофы.

— Сейчас?

— Желательно до того, как гости придут и я вспомню ещё двадцать вещей, которые забыла.

— Ты же никогда ничего не забываешь.

— Вот именно. Сегодня день исключений.

Она сказала это легко, но я заметила, как после фразы её улыбка на секунду дрогнула. Снова. У меня внутри неприятно шевельнулось утреннее чувство.

— Мам.

— М?

— Эти гости... они правда просто коллеги отца?

Мама посмотрела на меня слишком внимательно.

— А почему ты спрашиваешь?

— Потому что вы оба ведёте себя так, будто к нам приедет налоговая, сваты и комиссия по отбору в космонавты одновременно.

Она выдохнула через нос. Почти смех, но не совсем.

— Александр — давний знакомый твоего отца. Он может помочь с некоторыми вопросами.

— С моим поступлением?

— В некотором смысле.

Вот опять. «В некотором смысле» — одна из любимых взрослых фраз, после которой вопросов становится больше, а ответов нет.

— Я не просила помощи с поступлением.

— Знаю.

— И не решила, куда поступать.

— Знаю.

— Тогда с какими вопросами он может помочь?

Мама подошла ближе и мягко убрала с моего лица прядь волос.

— С теми, которые ты пока не можешь решить сама.

— Потому что я ребёнок?

— Потому что ты ещё не знаешь всех условий задачи.

Я хотела спросить, что это вообще значит, но мама уже вернулась на кухню.

— Кукуруза, Кира. Одна банка. Лучше та, которую я обычно беру.

— Великое поручение принято.

Я отложила ноутбук, отлипла от дивана и пошла надевать обувь.

На улице было жарко и душно после ночного дождя. Воздух пах мокрым асфальтом, пылью и дорогими цветами, высаженными вдоль дорожек не потому, что они кому-то нравились, а потому что управляющая компания должна была оправдывать стоимость обслуживания. Маленькие лужи испарялись, будто район стыдился собственной мокрой серости и спешил вернуть себе приличный вид.

Мы жили на последних двух этажах новомодной высотки. Элитный дом, высокий забор, охрана, камеры, закрытый двор, дорогие машины, девушки в золотых украшениях и парни, которые выглядели так, будто с рождения знали цену своим кроссовкам. Я петляла между автомобилями в домаш-

них шортах и растянутой футболке, чувствуя себя не просто серой мышью, а серой мышью, случайно забежавшей в выставочный зал породистых котов.

У ворот охранник Вадим поднял взгляд от телефона.

— Кира Юрьевна, в магазин?

— За кукурузой. Секретная миссия.

— Удачи, — серьёзно сказал он и кивнул.

— Спасибо. Она мне понадобится.

С такой же серьёзной миной ответила я.

Он усмехнулся, но тут же отвёл взгляд к подъездной дорожке. Туда как раз въехала тёмная машина с тонированными стёклами. Не наша. Я в машинах не особенно понимала, но эта выглядела дорого даже на фоне всех остальных дорогих машин. Вадим выпрямился. Машина не остановилась, только медленно прокатилась мимо забора и исчезла за поворотом.

— Новые жильцы? — спросила я.

— Не знаю, — ответил охранник слишком быстро. — Наверное.

Мне стало ещё интереснее, но кукуруза сама себя не купит, а мама в состоянии предужинной подготовки способна была почувствовать задержку на расстоянии.

Большой и слишком дорогой магазин находился поблизости. Где же ещё ему располагаться, как не в элитном районе одного из самых богатых городов страны. Высший свет сюда заходил редко. В основном здесь закупался персонал, об-

служивавший этот самый высший свет. По этой причине в самом магазине уже никто не смотрел на меня свысока. Кассиры знали: девочка в домашних шортах вполне может жить в пентхаусе, а женщина в идеальном костюме — покупать продукты для чужого ужина.

В магазине было прохладно. Кондиционеры били на полную мощность, и пока я дошла до нужных стеллажей, успела слегка замёрзнуть. Перед полкой с консервами я зависла, пытаюсь вспомнить, какая именно банка нужна маме. Все банки выглядели одинаково счастливыми и обещали сладкую кукурузу без лишних драм.

Я протянула руку к одной из них.

— Пожалуйста, дайте пройти.

Мужской голос прозвучал прямо над ухом.

Я вздрогнула и шагнула в сторону. Банка выскользнула из пальцев. Я успела поймать её у самого пола и выпрямилась, чувствуя, как раздражение бодро вытесняет испуг.

Передо мной стоял парень лет двадцати.

Один из тех самых модных пижонов, только в более дорогой, улучшенной комплектации. Костюм сидел на крепких плечах как влитой. Не просто хороший костюм, а идеально сшитый на заказ. У отца было много таких, и я уже умела отличать дорогую ткань от ткани, которая очень старалась выглядеть дорогой. Пепельные волосы до лопаток, часть собрана в пучок на затылке. Зелёные глаза. Спокойные. Слишком внимательные.

В одной руке он держал коробку с тортом, в другой бутылку вина. Очевидно, у него планировался классный вечер. Или очень странный поход за продуктами, если учесть, что в отделе консервов он выглядел так же уместно, как королевская особа на распродаже носков.

— Проход свободен, — сказала я.

— Уже вижу.

Он не улыбнулся. Просто посмотрел на меня так, будто я была не человеком, а строкой в документе, которую нужно сверить с оригиналом.

— Вы всегда так подкрадываетесь к людям в отделе кукурузы?

— Только когда они перекрывают проход.

— Простите, не знала, что вы спешите спасти торт.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Торт в безопасности.

— В отличие от моей нервной системы.

— Она выглядит крепкой.

Это прозвучало странно. Не как комплимент. Скорее, как наблюдение.

Я нахмурилась.

— Мы знакомы?

Он помедлил на долю секунды. Совсем короткую, но заметную.

— Нет.

— Часто вы оцениваете нервную систему незнакомых людей?

— Только когда они держат банку кукурузы как оружие.

Я опустила взгляд. Кукуруза действительно была сжата в руке слишком крепко.

— Самооборона в элитном районе. Никогда не знаешь, откуда нападут.

Теперь он улыбнулся. Быстро, почти незаметно. И почему-то от этой улыбки мне стало не спокойнее, а наоборот.

— Разумный подход. Торты бывают крайне опасны.

Он прошёл мимо, но, поравнявшись со мной, вдруг остановился.

— Сегодня ночью была гроза, — сказал он.

— Потрясающая наблюдательность.

— Вы проснулись?

Внутри всё резко похолодело. Я повернулась к нему.

— Что?

— От грома, — добавил он слишком ровно. — Многие просыпались.

Многие. Конечно.

— Нет, — соврала я, неопределенно качнув плечом. — Спала прекрасно.

Его взгляд задержался на моём лице. На секунду показалось, что он слышит ложь так же явно, как я слышала дождь утром. Потом он кивнул.

— Тогда хорошего дня.

— И вам... с тортом.

Он ушёл.

Я проводила взглядом его пучок, раздражённая тем, что вообще продолжала смотреть. Но когда я уже почти пошла к кассе, краем глаза уловила движение.

Парень свернул за стеллаж. Я шагнула следом. Проход был пуст.

Ни пепельных волос, ни костюма, ни коробки с тортом. Только ровные полки, ценники и пожилая женщина, задумчиво выбирающая горошек.

— Шустрый, однако, — пробормотала я.

Женщина посмотрела на меня с подозрением.

Я расплатилась и вернулась домой, стараясь не думать о том, почему незнакомый парень спросил, проснулись ли я

ночью.

Дома пахло запечённым мясом, специями, свежей выпечкой и маминым напряжением. Последнее, конечно, не имело запаха, но ощущалось сильнее корицы.

— Ужин совсем скоро. Ты останешься в этом? — спросила мама, оглядев меня с ног до головы, когда я поставила кукурузу на кухонный стол.

— А что не так с футболкой? Она многое пережила.

— Именно поэтому ей пора отдохнуть.

Мама уже почти всё приготовила. Мне казалось невозможным успеть так быстро: я отсутствовала всего полчаса. Но это же мама. Она всегда и везде успевала. Наверное, если бы конец света назначили на семь вечера, она к половине седьмого успела бы накрыть стол, переодеться и сказать: «Кис, не сутулься, апокалипсис апокалипсисом, но осанку никто не отменял».

— Брючный костюм или платье? — спросила я уже в дверях.

Мама подняла взгляд и улыбнулась.

— Тебе хорошо и в костюме, и в платье. Надень то, в чём будет комфортнее.

Я почти удивилась такой свободе выбора.

— Правда?

— Правда. Но...

Вот оно.

— ...как насчёт тех новых туфель? Они хорошо бы смот-

релись с чёрным костюмом.

— Тех самых, в которых можно красиво стоять и страдать?

— В них можно красиво идти.

— Недолго.

— Сегодня долго и не надо.

Я задумалась. «Те новые туфли» — с высоким каблуком и золотым ремешком на щиколотке. Мою нелюбовь к платьям мама учла, но очевидный выбор костюма без украшения оставить не смогла. Так даже лучше: минус один нерешённый вопрос.

— Мам.

— Да?

— Парень в магазине спросил, проснулась ли я ночью.

Ложка в её руке стукнула о край миски.

— Какой парень?

— Длинные пепельные волосы, костюм, торт, вино. Выглядел так, будто родился в дорогом кресле и с презрением к общественному транспорту.

Мама отвернулась к духовке.

— Может, просто разговорчивый.

— Он был не разговорчивый. Он был странный.

— Красивый? — спросила мама слишком быстро и слишком невинно.

— Мам.

— Что? Мне нужно понимать уровень угрозы.

— Угроза была средней. Самооценка высокая, пучок спорный.

Она тихо рассмеялась, но плечи у неё всё ещё были напряжены.

— Переодевайся, Кира.

— Ты его знаешь?

Мама помедлила.

— Скоро узнаешь.

Вот теперь всё стало совсем плохо.

— То есть это один из гостей?

— Переодевайся, пожалуйста.

Я хотела возмутиться, но мама посмотрела на меня так, что слова застряли. В её глазах снова была та старая тревога. Она не боялась, что я опозорю семью за столом. Она боялась чего-то другого.

И это другое уже ехало к нам на ужин.

Я поднялась к себе и заглянула в гардеробную. С вешалок на меня смотрели вещи «на случай»: важной встречи, внезапной поездки, свадьбы, похорон, конца света и ещё десятка событий, в которых я не собиралась участвовать.

Я выбрала чёрный костюм: брюки с высокой талией, широкий ремень с золотой пряжкой, бежевый короткий топ, пиджак с рукавами три четверти и золотыми пуговицами. К ним — высокие закрытые туфли с золотым ремешком.

Когда я застегнула второй ремешок, пришлось признать: мама была права. Короткое кудрявое каре, уложенное на бок,

большие карие глаза с длинными ресницами, пухлые губы, аккуратный вздёрнутый нос — всё это могло выглядеть эффектно, если я не сопротивлялась слишком активно.

Украшения выбрала почти случайно: тонкая цепочка, жёсткий браслет, кольца на правой руке. На левую надела кольцо на безымянный палец — просто потому, что оно подошло к ремешку туфель. Серьги-кольца менять не стала.

Спокойно. Лаконично. Достаточно дорого, чтобы мама не страдала.

Я уже собиралась выйти, когда заметила на зеркале тонкую вертикальную полоску влаги.

Сначала решила, что это след от пальца. Потом полоска дрогнула и медленно поползла вниз, как капля воды.

В комнате было сухо.

Я провела пальцем по зеркалу. Капля холодила кожу. Не ледяная, а морская — солёная. Я машинально поднесла палец к губам и тут же поморщилась.

Соль.

— Отлично, — прошептала я. — Теперь у меня ещё и зеркало потеет солёной водой. Очень своевременно.

Я вытерла след рукавом и решила никому не говорить. В конце концов, если начну перечислять все странности дня, меня либо запрут дома, либо отправят к врачу. А у нас гости.

Мама внизу выглядела безупречно. Вечернее чёрное платье, мягкие каштановые локоны, кольца на руках, туфли. Она расставляла тарелки и поглядывала на часы. Когда успе-

ла переодеться — загадка. Возможно, у матерей был отдельный вид магии, который позволял переодеваться между двумя помешиваниями соуса.

— Кис, это очень важные гости, — сказала она, окинув меня взглядом. — Если вечер пойдёт хорошо и ты будешь вести себя прилично, завтра устроим шопинг.

— А если плохо?

— Тогда тоже устроим, но я буду покупать тебе вещи в состоянии нервного расстройства.

— Это угроза?

— Мотивация.

Я кивнула. Шопинг мне никогда не нравился, но мама любила верить, что однажды я проникнусь. Пусть верит. У каждого должны быть свои сказки.

Со второго этажа неспешно спустился отец. Он всегда выглядел одинаково: костюм, растрёпанные тёмные локоны слегка выющихся волос и суровые серые глаза. Само его присутствие делало пространство более собранным.

Он подошёл ко мне и поцеловал в затылок.

— Хорошо выглядишь.

— Спасибо.

От отца это было почти эмоциональной речью.

Потом он подошёл к маме, приобнял её, оглядел стол. Мама поправила ему воротник, хотя с воротником всё было идеально.

— Юра, — тихо сказала она.

— Всё будет нормально.

— Ты не можешь этого обещать.

— Могу обещать, что мы сделаем всё правильно.

Я замерла у края стола.

— Вы серьёзно думаете, что я не слышу?

Оба посмотрели на меня.

— Кира, — начал отец.

В дверь позвонили.

Звонок был обычный, мелодичный, настроенный мамой ещё год назад после ремонта. Но в этот раз он прозвучал так, будто кто-то провёл ногтем по стеклу.

До этого момента вечер был неприятной обязанностью: накрытый стол, слишком нарядная мама, отец с выражением лица человека, который мысленно просчитал три варианта беседы. Но звонок изменил воздух в зале. Он стал плотнее, как перед грозой. Даже свечи на столе дрогнули синхронно, хотя сквозняка не было.

Мама тоже это заметила. Я увидела, как она на мгновение сжала пальцами край салфетки, но тут же расправила ткань и улыбнулась так спокойно, будто ничего не произошло.

— Кис, — почти неслышно сказала она, не поворачивая головы. — Что бы ты сегодня ни услышала, сначала дослушай.

— Это звучит как начало плохой семейной драмы.

— Это звучит как просьба.

Я посмотрела на её профиль. Улыбка держалась, но в гла-

зах была тревога.

И именно тогда я окончательно поняла: ужин не деловой.

Ужин — ширма.

Отец пошёл открывать.

— Александр! Рад встрече, спасибо, что приехали, — услышала я его добрый голос.

Со мной отец чаще был строгим и сдержанным. Мы редко говорили дольше пяти минут подряд, если не считать случаев, когда моё поведение выходило за рамки дозволенного, а мамины объяснения я не воспринимала.

— Юрий, спасибо, что пригласил, — ответил незнакомый мужской голос. Низкий, холодный, учтивый. — Это мой сын, Кристиан.

Дальше они обменивались любезностями, а мы с мамой стояли и ждали. Вскоре послышались шаги.

Гости вошли в зал.

— Это моя жена, Екатерина, и дочь Кира, — представил отец.

Мама вежливо кивнула.

— Добрый вечер, — сказала я, слегка качнув головой.

— Александр Ллойд, мой друг и коллега, — продолжил отец. — И его сын Кристиан.

Александр был чуть старше отца, на вид лет пятидесяти. Костюм того же модного дома, безупречная посадка, тёмные волосы с седыми прядями, зачёсанная назад чёлка. Серые стальные глаза. Холод в них был не эмоцией, а свойством

материала. Как у ножа, который не злится, когда режет.

На правой руке у него сверкнул перстень. В другой он держал трость с серебряным набалдашником. Трость выглядела старомодно и нелепо — ровно до тех пор, пока я не заметила, что отец смотрит на неё слишком внимательно.

А потом я перевела взгляд на его сына.

Пучок.

Тот самый парень из магазина.

Костюм остался прежним, волосы тоже. Торты не было. Вина тоже. Это почему-то раздражало сильнее, чем само совпадение.

— Приятно познакомиться, — тем же баритоном сказал Кристиан.

Он потянулся к моей руке и наклонился, чтобы поцеловать. Видимо, подражая своему отцу, который только что проделал то же самое с мамой. Я бросила взгляд на папу: лицо непроницаемое. Мама почти незаметно кивнула. Я позволила.

Губы Кристиана едва коснулись кожи.

И в тот же миг кольцо на моей левой руке стало холодным.

Не просто прохладным — ледяным. Я едва не дёрнулась, но сдержалась. Кристиан поднял глаза, всё ещё не отпуская мою руку. Его взгляд впился в моё лицо, будто он что-то искал. Или проверял.

— Мы уже виделись, — сказала я.

— Правда? — спросил он.

— В магазине. Вы спасали торт.

— Ах да. Кукуруза.

— Вижу, встреча оставила след в вашей памяти.

— Некоторые встречи оставляют.

Руку он наконец отпустил.

— Кхм, пройдёмте к столу, — предложила мама, пытаясь сгладить паузу.

Кристиан отступил. Отец подвинул стул маме. Кристиан — мне. Вёл себя так, будто пришёл свататься. Кому он пытался понравиться, мне или папе?

Пока отец занимал место во главе стола, мама расположилась по левую руку, Александр — по правую. Кристиану не осталось выбора: он сел напротив меня рядом со своим отцом.

В зале тихо жужжал кондиционер. В широкие окна били лучи заходящего солнца. Город медленно погружался в вечер: стёкла соседних башен горели золотом, машины внизу тянулись светящимися нитями. Стол выглядел как картинка из журнала: белая скатерть, тонкий фарфор, свечи, блюда, мамина идеальная симметрия.

И четверо взрослых, которые слишком старательно делали вид, что это просто ужин.

Я неспешно ела запечённую курицу с овощами и пыталась понять разговор. Получалось плохо. Они говорили о фондах, попечительских программах, каких-то международных проектах, учебных траекториях и «адаптационном пе-

риоде». Вроде бы ничего тайного. Вроде бы.

— Кира уже выбрала направление? — спросил Александр, когда пауза стала слишком ровной.

Отец посмотрел на меня.

— Пока рассматривает варианты.

— Это разумно, — сказал Александр. — Не каждый ребёнок в шестнадцать готов принять решение, которое определит всю жизнь.

— Я здесь, — напомнила я. — Ребёнок за столом и умеет слышать.

Мама едва заметно прикрыла глаза. Отец поджал губы. Кристиан посмотрел в тарелку, и мне показалось, что он скрывает улыбку.

Александр же улыбнулся открыто. Неприятно спокойно.

— Разумеется, мисс Кан. Простите. Я не хотел говорить о вас так, будто вас нет рядом.

— Просто привыкли?

— Кира, — негромко сказал отец.

— Всё в порядке, Юрий, — ответил Александр. — Любопытство и прямота в её возрасте естественны.

В её возрасте.

Я сразу решила, что этот человек мне не нравится.

— И всё же, — продолжил он, — есть ли что-то, к чему вас тянет? Наука? Право? Управление? Технологии?

— К свободе от вопроса «кем ты хочешь стать, когда вырастешь».

Кристиан всё-таки улыбнулся. Быстро, едва заметно.

— Оригинальный выбор, — сказал Александр.

— Непрактичный, — добавил отец.

— Зато честный.

Мама мягко коснулась моей руки под столом. Не предупреждение — просьба. Я замолчала.

Некоторое время разговор снова шёл мимо меня. Я цеплялась за отдельные фразы.

— ...первый год всегда самый нестабильный...

— ...особенно после пробуждения...

— ...главное — правильный надзор...

— ...не стоит затягивать с наставничеством...

Слова вроде бы вписывались в тему образования. Но «пробуждение»? «Надзор»? «Наставничество»? Я подняла взгляд на Кристиана.

Он смотрел на меня.

— Как спалось сегодня, Кира? — спросил он вдруг, выделив моё имя.

Вилка остановилась в моей руке.

Вот оно.

— Прекрасно, Кристиан, спасибо, — ответила я тем же тоном.

— Гроза была сильная.

— Я люблю дождь.

— А просыпаться среди ночи?

Мама чуть слышно вдохнула.

Отец положил приборы на тарелку.

Я улыбнулась.

— Вы проводите опрос о качестве сна в нашем районе?

— Профессиональный интерес.

— Вы сомнолог?

— Нет.

— Жаль. Тогда интерес выглядит странно.

Кристиан наклонил голову.

— Иногда люди просыпаются не от грома.

— А от навязчивых вопросов?

За столом повисла тишина.

Александр тихо усмехнулся.

— У вашей дочери острый язык, Юрий.

— Она умеет быть вежливой, но не всегда считает нужным, — сказал отец.

— Я сейчас считаю, — заметила я.

Мама кашлянула.

И тут из кухни раздался звонок духовки, сообщающий, что десерт готов. Никогда ещё выпечка не спасала меня так своевременно.

— Кира, принеси, пожалуйста, — попросила мама.

Я сняла салфетку с колен и поднялась. Поймав взгляд Кристиана, отвернулась и скрылась за кухонной аркой.

Следом за мной зашёл он.

Разумеется.

— «Крис, сходи, помоги девушке, познакомьтесь поближе», — сказал он, кажется, передразнивая кого-то из родителей.

— Ммм, — протянула я, доставая прихватку. — А вы всегда так послушны?

— Только когда приказ совпадает с любопытством.

— И что же вам любопытно?

— Вы.

Я обернулась.

Кристиан стоял у входа на кухню, прислонившись плечом к стене. Здесь, без торжественного света зала и родительских взглядов, он выглядел менее официально. Но не менее опасно.

— Звучит тревожно.

— Вы странно реагируете.

— На незнакомого мужчину, который дважды за день спрашивает, как я спала? По-моему, я реагирую удивительно спокойно.

— Вы проснулись в четыре.

Я застыла.

Десерт в духовке продолжал тихо потрескивать.

— Что вы сказали?

— Ничего.

— Нет, сказали. Откуда вы знаете?

Кристиан оттолкнулся от стены и сделал шаг ближе.

— Если бы я сказал, что догадался?

— Я бы сказала, что вы врѐте.

— Значит, вы не глупая.

— А вы не умеете отвечать на вопросы.

Он посмотрел на мои руки. Я поняла, что слишком крепко держу прихватку.

— Сегодня важный день, Кира.

— Все вокруг твердят, что сегодня важный день, но никто не объясняет почему. Это новый способ довести человека до истерики?

— Скорее старый.

Я открыла духовку. Горячий воздух ударил в лицо, пахнул ванилью, тестом и карамелизированными яблоками. Десерт выглядел идеально. Конечно. У мамы даже тревожные ужины получались с хрустящей корочкой.

Я переложила форму на подставку и начала осторожно переносить десерт на позолоченное блюдо.

— Вам стоит доверять родителям, — сказал Кристиан.

— Люди, которым можно доверять, обычно не устраивают тайный ужин с незнакомцами.

— Иногда тайны защищают.

— А иногда готовят ловушку.

Он замолчал.

Я подняла взгляд.

— Что?

— Ничего.

— У вас лицо человека, который услышал что-то неприятно точное.

— У меня обычное лицо.

— Нет. Обычное лицо у людей, которые покупают кукурузу, а не исчезают из проходов.

Кристиан улыбнулся краем губ.

— Вы заметили.

— Я не слепая.

— Это хорошо.

— Для кого?

Он не ответил. Вместо этого легко перехватил блюдо у меня из рук.

— Я отнесу.

— Я справилась бы.

— Не сомневаюсь.

И ушёл.

Я осталась на кухне одна, с горячими ладонями, холодным кольцом и неприятным ощущением, что разговор только что свернул туда, куда мне пока нельзя.

Когда я вернулась в зал, Александр говорил с отцом:

— ...ей в любом случае лучше держаться поближе. Первый год непредсказуем. Сами помните весь кошмар. Ещё мало ли там будет придурков. Кристиан присмотрит, не переживай. Наставники закрепляются на второй месяц обучения, но вам не о чем беспокоиться. Моему сыну не занимать хитрости. Она будет в безопасности

Я замерла у края стола.

«Моему сыну не занимать хитрости»

Прекрасная рекомендация для человека, которому соби-
рались поручить «присматривать» за мной.

— О чём вы договорились? — спросила я.

Мама подняла на меня взгляд. В нём было предупрежде-
ние.

Но поздно.

— О твоей безопасности, — сказал отец.

— Без меня?

— Ты ещё не знаешь всех обстоятельств.

— Удивительно удобная фраза. Сегодня она уже звучала.

Александр откинулся на спинку стула.

— Ваша дочь привыкла получать ответы сразу.

— Я привыкла, что моя жизнь касается меня.

— И будет касаться, — мягко сказала мама.

Позже я пойму: в моей семье тоже умели называть молчание заботой. Просто делали это тише, чем Ллойды.

Кристиан поставил десерт на стол и сел напротив.

— Не переживайте, мистер Кан, — сказал он, глядя уже на отца. — Я прекрасно помню свой первый год. Со мной был старший брат. Я присмотрю за Киroy. Всё будет хорошо.

Он говорил уверенно. Красиво. Почти благородно.

И я вдруг поняла, что не верю ни одному слову.

Отец благодарно кивнул.

Ужин продолжился, но вкус еды исчез. Десерт был хорошим — я понимала это технически, по текстуре, по сладости, по тому, как мама украдкой следила, едят ли гости. Но для меня он превратился в набор бессмысленных ощущений. Я слушала разговор, ловила взгляды, запоминала паузы.

Александр почти не смотрел на меня прямо, но всякий раз, когда я отворачивалась, чувствовала его внимание. Трость стояла рядом со стулом, серебряный набалдашник тускло отражал свечи. Несколько раз мне казалось, что внутри металла шевелится тёмная вода. Я моргала — и видела просто полированную поверхность.

Кристиан вёл себя безупречно. Вежливый, спокойный, внимательный. Слишком. Он подавал воду, отвечал на вопросы мамы, рассказывал что-то о своей учебе, но вся его учтивость была похожа на перчатку: красивая ткань поверх руки, которая может сжаться в кулак.

Гости ушли в одиннадцатом часу.

Когда за ними закрылась дверь, квартира словно выдохнула. Свечи догорели почти до конца. В окнах отражался ночной город. Мама начала собирать тарелки, отец молча помогал. Я тоже помогала, хотя обычно после таких ужинов меня отпускали к себе. Сегодня никто не отпускал.

На кухне мама мыла бокалы, а отец вытирал их полотенцем. Картина была почти домашней, если забыть, что пару часов назад в этой же квартире незнакомец обсуждал моё будущее как пункт договора.

— Теперь вы объясните? — спросила я.

Отец поставил бокал на стол.

— В зал.

— Звучит как приговор.

— Кира.

Я пошла.

В большом зале было прохладно. Мама села на подлокотник кресла, отец остался стоять у окна. Мне кивнули на кресло напротив.

— Присядь.

Я села. Руки были холодными. Кольцо на левой руке снова стало обычным, но кожа под ним всё ещё помнила ледяное прикосновение.

— То, что мы сейчас расскажем, может показаться невозможным, — начала мама.

— Уже отлично.

— Пожалуйста, без сарказма хотя бы пять минут.

— Я постараюсь. Но ничего не обещаю.

Отец повернулся от окна.

— Через месяц после шестнадцатилетия в одарённых детях просыпается магия.

Я посмотрела на него. Потом на маму. Потом снова на отца.

— Простите, что?

— Магия, — повторил он.

— Я слышала. Просто дала вам шанс исправиться. Или хотя бы передать письмо из Хогвартса.

Мама накрыла мою ладонь своей.

— Кис, это правда.

Я медленно убрала руку.

— Вы оба сошли с ума?

— Нет.

— Тогда это шутка?

— Нет.

— Проверка? Психологический эксперимент? Вы решили, что я слишком спокойно отношусь к поступлению и нужно добавить травмирующий семейный спектакль?

Отец сжал губы.

— Это не спектакль.

— Конечно. Это магия. Куда логичнее.

Мама встала и подошла к столу, где оставалась ваза с белыми цветами. Она коснулась пальцами одного бутона. Ле-

пестки были ещё закрыты.

— Смотри.

— Мам, если сейчас оттуда выскочит записка «ты поступила в Хогвартс», я уйду из семьи.

Она не улыбнулась.

Бутона дрогнуло.

Сначала я решила, что мне показалось. Потом зелёный стебель чуть выгнулся, лист развернулся, а закрытый бутон начал медленно раскрываться. Лепесток за лепестком, мягко, без рывков, будто время вокруг цветка ускорили. Через несколько секунд на тонком стебле распустилась белая роза.

Я перестала дышать.

Мама убрала руку.

— Это маленькое бытовое воздействие. Ничего сложного.

— Ничего сложного, — повторила я.

Голос был пустой.

Отец снял с руки часы и положил на ладонь. Металлический ремешок сам растянулся, корпус часов поднялся на несколько сантиметров в воздух, плавно повернулся и опустился обратно.

— У каждого дара разные особенности, — сказал он. — У твоей матери лучше получается работа с живым. У меня — с предметами и защитными контурами.

Я смотрела на часы. Часы лежали на ладони. Просто часы. Только что они летали.

— Нет, — сказала я.

— Кира...

— Нет. Это фокус. Технология. Нить. Магнит. Что угодно.

Отец кивнул, будто ожидал.

— Логичная реакция.

— Не говори так, будто я на собеседовании.

Мама вернулась ко мне.

— Сегодня в четыре утра ты проснулась, потому что в те-

бе проснулась магия. Это всегда начинается одинаково: сердце, резкий подъём, ощущение, будто кто-то включил свет внутри. Родители обычно чувствуют это у ребёнка. Мы почувствовали.

— И решили подарить мне ещё один серый день? — спросила я, вспоминая фразу, которую они явно собирались произнести красиво.

Мама вздрогнула.

— Да.

— Очень щедро.

— Мы хотели, чтобы у тебя был последний обычный день.

— А спросить меня не хотели?

— Ты бы не поняла вчера, — сказал отец.

— Зато сейчас я понимаю прекрасно. Всю жизнь вы молчали, сегодня привели каких-то людей, один из них явно знает больше, чем говорит, второй обсуждает меня как проект, а потом вы сообщаете, что я ведьма.

— Волшебница, — поправил отец.

— О, простите, это всё меняет.

Я вскочила с кресла. Комната качнулась. Сердце снова забилось слишком быстро.

— Кира, сядь, — сказала мама.

— Не хочу.

— Ты можешь сорваться.

— Куда?

В этот момент треснула стеклянная ваза.

Не громко. Тонко. От верхнего края вниз побежала извилистая трещина. Белая роза дрогнула.

Я застыла.

Отец шагнул вперед, поднял руку. Воздух вокруг вазы на секунду будто уплотнился, и трещина остановилась.

— Вот куда, — сказал он.

Я медленно села обратно.

Внутри было пусто и страшно. Не так, как утром. Утром страх был предчувствием. Сейчас он получил форму.

Магия. Во мне. В нашем доме. В родителях. В странном парне, который исчез в магазине и знал, что я проснулась в четыре.

— Почему вы не сказали раньше? — спросила я тише.

Мама села рядом.

— До шестнадцати лет дети не воспринимают настоящую магию. Скрывающая печать защищает сознание. Если рассказывать раньше, ребёнок либо забывает, либо начинает видеть обрывки без возможности понять. Были семьи, которые пытались готовить детей заранее. Это плохо заканчивалось.

— Насколько плохо?

Отец ответил не сразу.

— Неконтролируемые всплески. Психические срывы. Смерти.

Я обхватила себя руками.

— Прекрасно.

— Поэтому закон строгий, — продолжил он. — Никако-

го обучения до пробуждения. Никаких демонстраций силы. Никаких разговоров, которые могут повредить печать.

— А если ребёнок сам замечает странности?

Мама отвела взгляд.

Я вспомнила, как в детстве у меня иногда сами открывались двери, когда я злилась. Как разбивались стаканы, если я плакала. Как однажды Аня упала с качелей, а царапина на её колене исчезла быстрее, чем прибежала учительница. Тогда все решили, что показалось.

Не показалось.

— Мы сглаживали, — сказала мама. — Объясняли совпадениями. Так делают все родители.

— Все родители-вруны?

— Все родители, которые хотят, чтобы их ребёнок дожил до пробуждения спокойно.

Это было нечестно. После такой фразы злиться становилось труднее.

— Что за школа? — спросила я.

Отец сел напротив. Значит, начиналась официальная часть.

— Единая волшебная школа. У неё несколько корпусов по всему миру. Первый год — адаптационный. Самый сложный.

— Почему?

— Магия новая и нестабильная. У одних она проявляется мягко, у других — опасно. Первый год учит контролю.

— И Кристиан будет за мной присматривать?

Отец обменялся взглядом с мамой.

— Александр Ллойд сейчас временно руководит четвёртым корпусом, — сказал он. — Его сын ассистирует одному из преподавателей. Мы попросили, чтобы тебе помогли с адаптацией.

— Вы попросили? Или договорились?

— Кира.

— Я слышала слово «договорились». А где в этом месте было моё согласие? Между десертом и тортом из магазина?

Мама взяла меня за руку.

— Мы хотели, чтобы рядом был кто-то опытный.

— Он странный.

— Кристиан? — мама попыталась улыбнуться.

— Он знал про четыре утра.

— У опытных волшебников есть способы распознавать пробуждение, — сказал отец.

— Опытных? Ему двадцать.

— В магическом мире возраст не всегда главный показатель.

— Какая удобная система. Можно быть молодым, красивым, подозрительным и всё списывать на опыт.

— Кис, — сказала мама уже без улыбки. — Наставник отвечает за магию, расписание тренировок и безопасность. Не за твою личную жизнь. Границы будут проговорены. И если он их нарушит, ты скажешь нам.

— А если нарушит школа?

Они переглянулись.

Очень бодряще.

Мама всё-таки улыбнулась. Уже слабее.

— Красивый?

— Я сказала это в обвинительном смысле.

— Конечно.

Отец не оценил.

— Слушай внимательно. В волшебном мире есть законы.

Есть Совет. Есть школа. Есть роды, семьи, наследование, артефакты. Наша семья испокон веков относится к волшебникам.

— Чистокровным, — вставила мама тихо, но без гордости.

Отец посмотрел на неё.

— Да. Чистокровным.

Слово прозвучало тяжело. Как титул и диагноз одновременно.

— Это важно?

— Для некоторых — слишком, — сказала мама.

— Для большинства, — поправил отец. — Чистота рода влияет на силу, устойчивость, доступ к наследию.

— Звучит неприятно.

— Потому что так и есть, — сказала мама.

Отец промолчал. Я запомнила.

Они рассказали про аристократию, древние семьи и родо-

вые артефакты — предметы, в которых накапливалась сила поколений. В древности такие вещи крали, присваивая чужую мощь, пока не появились законы, реестры и банки, где реликвии теперь хранились под охраной.

— То есть аристократы сильные, потому что их предки были успешными ворами? — уточнила я.

Мама закрыла лицо рукой. Отец вздохнул.

— Упрощённо.

— Зато понятно.

Потом он объяснил направляющие артефакты: предметы, через которые волшебник концентрирует силу. Без них магия после пробуждения похожа на воду без русла: может напоить сад, а может снести дом.

— Трость Александра? — спросила я.

Отец кивнул.

— Да.

— Не очень практично. В бою её легко заметить и сломать.

Отец впервые за вечер посмотрел на меня с чем-то похожим на одобрение.

— Именно поэтому большинство выбирает что-то небольшое. Украшение, инструмент, оружие, иногда предмет одежды.

— А можно татуировку?

— Нет.

— Почему?

— Потому что направляющий артефакт должен быть делимым предметом. А тебе шестнадцать.

— Непрактично.

— Магический закон не всегда практичен.

— Зато бюрократия сильнее магии, я уже поняла.

Мама тихо рассмеялась.

Отец — нет.

Информации было слишком много. Школа, корпуса, Совет, артефакты, род, законы, пробуждение, опасность, наставники — всё падало слоями. Мир расширялся прямо под ногами, и от этого кружилась голова.

Вчера я думала, что главная проблема — выбрать вуз.

Сегодня оказалось, что я принадлежу к тайному миру, где подростки могут случайно разрушить комнату, древние семьи воруют силу, а подозрительный парень с пучком назначен моим будущим надзирателем.

— Когда начинается учебный год? — спросила я наконец.

— В день летнего солнцестояния, двадцать первого июня,

— ответила мама.

— Через месяц.

— Да.

— И всё это время я должна делать вид, что жизнь нормальная?

— Нет, — сказала мама. — Всё это время ты будешь готовиться.

На следующий день она действительно устроила шопинг.

Только не тот, где я страдала между платьями, а она говорила: «Ну примерь ещё вот это, оно просто висит неудачно». Мы поехали в старый торговый квартал с антикварными лавками и кофейнями, но мама прошла мимо всего этого к неприметной двери между магазином тканей и закрытым книжным.

На двери не было вывески.

Мама коснулась двери.

За ней оказался не магазин. Целый узкий мир, уходящий куда-то в глубину дома: полки до потолка, книги в кожаных переплётах, стеклянные банки с травами и камнями, лотки с кольцами, цепочками и браслетами, пузырьки с жидкостями всех оттенков.

Воздух пах пылью, мятой, озоном и старой бумагой.

За прилавком сидела пожилая женщина в очках на цепочке. Когда мы вошли, она подняла глаза и посмотрела прямо на меня.

— Пробудилась, значит.

Я обернулась к маме.

— У меня на лбу написано?

— Почти, — сказала женщина. — У вас вокруг пальцев искрит.

Я посмотрела на руки. Ничего.

— Не глазами, девочка.

— Очень полезное уточнение.

Женщина хмыкнула.

— Острая.

— Сегодня все считают нужным это сообщить.

Мама купила книги по истории, законам, базовой теории силы, самопомощи при всплесках и краткий атлас корпусов школы. Ещё — несколько зелий «на всякий случай», тетради, защитный чехол для телефона и маленький серебристый амулет.

— Он не направляющий, — сразу сказала мама. — Просто стабилизатор. Носить до школы.

— Чтобы я не взрывала вазы?

— Чтобы вазы получили шанс.

Я надела амулет. Он лёг на грудь прохладным кружком.

Дома я разложила покупки на столе и впервые за долгое время почувствовала азарт.

Не офис. Не завод. Не бесконечная попытка выбрать себе скуку по вкусу.

Магия. Настоящая. Опасная, непонятная, странная, но моя.

Я планировала за месяц изучить историю волшебного мира, устройство школы, основные законы и, возможно, попробовать несколько простых заклинаний.

Отец зарубил последний пункт на корню.

— Нельзя колдовать без присмотра вне школы, особенно в первый год и особенно в крупном городе.

— Даже совсем чуть-чуть?

— Магия не знает «чуть-чуть», пока ты не умеешь её удер-

живатьь.

— А если я просто не поеду?

Отец посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который спросил, можно ли не дышать до понедельника.

— Тогда Совет имеет право признать тебя неконтролируемым пробуждённым магом. Это не красивая формулировка. Это процедура: наблюдение, изъятие дара, ссылка в неодарённый мир. В крупных городах подростков с открывшейся силой не оставляют без обучения. Слишком много людей вокруг, слишком много стекла, проводов, машин и случайных эмоций.

— То есть выбор у меня был между школой и официальной магической ампутацией?

— Между обучением и опасностью для тебя и окружающих, — сказал отец.

— Как удобно, когда опасность всегда звучит как аргумент взрослых.

Они оба промолчали, и это молчание впервые показалось не паузой, а подписью внизу чужого документа.

Мама не стала спорить. И это было хуже спора.

— А если я случайно?

— Тогда зовёшь нас.

— Удобно. Моя новая жизнь началась, а пользоваться ею нельзя.

— Ты пользуешься знаниями.

— Знания не светятся.

— Некоторые светятся, — заметила мама, проходя мимо.

— Но эти книги я тебе пока не купила.

Пришлось довольствоваться чтением.

В одной из книг я нашла легенду о появлении магии. Старую, простую и почему-то неприятную.

Когда земля ещё была молодой, люди умели слушать леса и реки, но не могли изменять мир силой мысли. Однажды в деревню пришёл странник из далёкого мира, где каждый творил чудеса. Он согласился поделиться силой, но предупредил: за дар придётся отдать часть души.

Многие отказались. Некоторые решились.

Так появились первые маги. Они вызывали огонь, исцеляли раны, управляли стихиями — и быстро поняли цену. Их сердца больше не удивлялись малому, а мысли постоянно тянулись к знаниям, силе и совершенствованию.

Так началась эпоха магии.

Я перечитала легенду дважды.

— Не очень вдохновляюще, — сказала я маме за чаем.

— Легенды редко бывают вдохновляющими.

— То есть мы все потомки людей, которые обменяли часть души на возможность двигать предметы?

— Это только одна версия.

— Есть веселее?

Мама задумалась.

— Есть версия, что магия всегда была в мире, а странник просто снял с людей первую печать.

— А ещё?

— Что странник был не человеком.

— Уже интереснее.

— И что однажды он вернётся забрать долг.

Я медленно поставила чашку.

— Всё, возвращаемся к первой версии. Она уютнее.

Мама улыбнулась, но в глазах мелькнула тень.

— Большинство легенд говорит об одном: сила никогда не приходит бесплатно.

— Это предупреждение?

— Это материнская привычка портить красивые истории практическим смыслом.

Я читала каждый день. Узнала, что все волшебные школы со временем объединились в одну систему. Корпуса разбросаны по миру, каждый связан со своей средой и типом подготовки. Ученики переходят из одного корпуса в другой с курса на курс, постепенно расширяя опыт.

Но про четвёртый корпус, куда должна была попасть я, в книгах было подозрительно мало. Общие сведения, сухие формулировки, несколько старых фотографий без точного местоположения. Ни описания программы, ни традиций, ни нормальной карты.

— Почему про мой корпус почти ничего нет? — спросила я отца.

Он посмотрел на обложку атласа.

— Четвёртый корпус расположен в закрытой зоне.

— Это должно успокоить?

— Нет. Это должно объяснить.

— Не объяснило.

— На месте узнаешь больше.

Я захлопнула книгу.

— Все ответы теперь начинаются с «на месте узнаешь»?

— Многие.

— Ненавижу новый мир заранее.

Но я врала.

Я боялась его. Злилась на него. Не доверяла ему.

И всё равно ждала.

Месяц пролетел странно. Иногда дни тянулись, как жвачка, особенно когда отец в очередной раз запрещал мне попробовать хоть что-нибудь практическое. Иногда исчезали целиком: я садилась читать утром, а поднимала голову уже вечером, с затёкшей шеей и ощущением, что обычная жизнь отступила ещё на шаг.

Аня звонила несколько раз. Рассказывала о поступлении, знакомых, планах на лето. Я отвечала односложно. Не потому что не хотела говорить — просто не знала как. Что сказать? «Прости, я не могу поехать с тобой выбирать купальник, потому что готовлюсь к тайной волшебной школе?»

В последний вечер перед отъездом она прислала сообщение:

«Ты какая-то странная. Всё норм?»

Я долго смотрела на экран.

Потом написала: «Кажется, у меня начинается новая жизнь. Потом расскажу, если смогу».

Аня ответила почти сразу: «Звучит драматично. Ты беременна, вступила в секту или решила стать блогером?»

Я улыбнулась впервые за день.

«Хуже. Учёба».

«Держись. Акула с тобой?»

Я посмотрела на плюшевую акулу на кровати.

«Конечно».

В день летнего солнцестояния родители рано отправились на работу.

Это было обидно.

Я понимала, что они не могли провожать меня обычным способом: волшебная школа, тайна, закрытая система, всё такое. Но всё равно. Когда ребёнок отправляется в неизвестный корпус неизвестной школы, где первый год считается самым тяжёлым, можно хотя бы не уходить на работу в семь утра.

На кухонном столе лежали инструкция и монета.

И записка от мамы.

«Кис, не забывай есть нормально. Не спорь с преподавателями раньше третьего занятия. Если станет страшно — звони. Если не сможешь позвонить — дыши. Ты справишься. Мама».

От отца была вторая записка, короче:

«Держи контроль. Наблюдай. Не доверяй быстро. Папа».

Я перечитала последнюю фразу несколько раз.

Не доверяй быстро.

Интересно, это касалось школы в целом или конкретно семьи Ллойд?

Монета лежала между записками. Тяжелая, тёмная, с волнистым символом на одной стороне и цифрой IV на другой. Когда я взяла её, металл оказался холоднее воздуха. Не ледяным, как кольцо при прикосновении Кристиана, но живым. Будто внутри монеты спала маленькая глубина.

На столе было всё: инструкция, монета, документы, чемодан. Не было только человека, который спросил бы, готова ли я.

Инструкция была до смешного короткой.

«В день летнего солнцестояния, с 8:00 до 8:15 по местному времени, возьмите переходную монету в ведущую руку. Закройте глаза. Чётко сформулируйте намерение прибыть в четвёртый корпус Единой волшебной школы. Не отпускайте монету до завершения переноса. При тошноте, головокружении и временной потере ориентации обратитесь к встречающему сотруднику».

— Очень заботливо, — сказала я пустой кухне.

Чемодан стоял у двери. Мама помогла собрать его накануне: одежда, обувь, книги, зелья, стабилизатор, документы, телефон, зарядки, какие-то бытовые мелочи, которые, по её мнению, обязательно пригодятся. Акула торчала сверху, потому что я отказалась оставлять её дома.

В 8:07 я встала посреди кухни.

Почему именно в кухне — не знаю. Наверное, потому что там лежала монета. Или потому что кухня была самым живым местом дома, и мне хотелось стартовать из чего-то тёплого, нормального, настоящего.

Я поправила волосы. Потом футболку. Потом брюки. Потом поняла, что тяну время.

Сердце снова билось быстро.

Раз. Раз. Раз.

Как море.

— Ну что, — сказала я себе. — Офис отменяется.

Я закрыла глаза и сжала монету.

Сначала ничего не произошло.

Потом пол ушёл из-под ног.

Солнце ослепило меня. В лицо ударил влажный солёный ветер. Где-то над головой закричали чайки. Воздух стал другим — широким, горячим, живым. Вместо запаха кофе, маминой кухни и дорогого чистящего средства я вдохнула море.

Под ногами был золотой песок. Рядом лежали ракушки, влажные водоросли и мой чемодан, который чудом стоял вертикально. Передо мной простиралось лазурное море, слишком яркое после городских стеклянных башен. Волны накатывали на берег мягко, почти ласково, но в их глубине слышалось что-то тяжёлое.

Вокруг появлялись подростки.

Кто-то ахнул. Кто-то сразу сел на песок. Рядом стоящий парень выругался так выразительно, что я мысленно поставила ему плюс за адаптацию. Девочка с двумя косами крепко держала переноску с котом, который выглядел оскорблённым самим фактом магии.

— Это... — прошептал кто-то рядом.

— Да, — сказала я, хотя понятия не имела, что именно «это».

Недалеко стоял старик. Его возраст явно перевалил за сотню лет. Три седые волосинки, скудная борода, костюм в чёрно-белую полоску и выражение лица человека, который видел тысячи растерянных первокурсников и ни разу не проникся.

— Здравствуйте! Подходите ближе! — строго сказал он и хлопнул в ладоши.

Хлопок вышел громче, чем должен был. Воздух перед ним дрогнул, и несколько ребят поспешно подтянули чемоданы.

— Подождём ещё пару минут и отправимся праздновать ваше поступление в волшебную школу!

Я стояла на песке, вдыхала запах соли, щурилась от солнца и чувствовала, как внутри одновременно поднимаются страх, восторг и злость на всех, кто знал об этом мире раньше меня.

На горизонте блеснуло что-то белое. То ли волна, то ли здание, то ли обещание.

В кармане завибрировал телефон.

Сообщение от неизвестного номера.

«Добро пожаловать, Кира. Держись ближе.»

Я медленно подняла взгляд.

На краю пляжа, у тени пальм, стоял Кристиан Ллойд. Без торта, без вина, с тем же спокойным лицом. Он смотрел прямо на меня.

И улыбался так, будто всё только начиналось.

Я сжала монету в руке и принципиально не стала добавлять его в контакты.

Здравствуй, о дивный, новый мир. И будь ты проклят, если окажешься таким же лживым, как старый.

Глава II. А ночь темна и полна чудес

Оказалось, что четвёртый корпус школы расположен на острове в центре Бермудского треугольника — фраза настолько абсурдная, что мой мозг сначала отказался обрабатывать её целиком. Он принял «остров», осторожно согласился с «школой», споткнулся о «волшебной» и окончательно умер на «Бермудском треугольнике».

Пока старик в чёрно-белом полосатом костюме собирал нас в неровную толпу, я успела рассмотреть остальных первокурсников. Кто-то делал вид, что каждый вторник переносится монетой на тропический остров. Кто-то стоял с лицом человека, которого вытащили из ванной вместе с полотенцем и планами на спокойную жизнь. Одна девочка плакала беззвучно.

Я не плакала. Я стояла на тёплом песке, сжимала уже бесполезную монету и пыталась понять, в какой момент обычная жизнь окончательно закончилась. Море шумело так близко, будто хотело вмешаться в мысли.

— Если кого-то сейчас стошнит — делайте два шага вправо, — сообщил старик. — У нас тут песок, конечно, но уважать труд уборочных чар всё-таки надо.

Несколько человек нервно засмеялись.

Я тоже почти улыбнулась. Почти.

— Меня зовут Грейвс, — продолжил он, опираясь на тонкую трость с медным набалдашником в форме раковины. — Я встречаю первокурсников уже сорок три года и каждый год вижу одни и те же лица. Восторг, ужас, отрицание, высокомерие. Иногда все сразу. Не переживайте, к ужину часть выражений пропадёт. Обычно остаётся голод.

— А домой можно? — спросил кто-то из толпы.

Грейвс посмотрел поверх круглых очков. У него было лицо человека, который слышал этот вопрос слишком много раз, чтобы отвечать сочувственно.

— Можно. После отчисления, лишения магии или окончания курса. Рекомендую третий вариант. Он наименее болезненный и лучше смотрится в семейной переписке.

Вот тогда шутить перестали.

И именно в этот момент я впервые поняла: здесь опасность начинается не с чудовищ. Сначала тебя куда-нибудь внесут, вычеркнут или оформят. А потом уже, возможно, съедят.

За нашими спинами вспыхивали новые переносы: воздух складывался в блестящую складку, из неё выпадал очередной подросток, а потом реальность разглаживалась, оставляя запах озона и растерянное лицо. Один парень появился прямо сидя и возмущённо отряхивал песок с брюк. Девочка позади меня вскрикнула, но не упала — под ней на секунду вспыхнула прозрачная сетка.

— Спасибо, школа, — сухо сказал Грейвс в сторону пустоты. — Хоть кого-то ты сегодня решила не ронять лицом вниз.

Я огляделась.

Если по всем канонам это должен был быть древний замок с башнями, витражами и привидениями, то жизнь решила посмеяться над ожиданиями. Четвёртый корпус был хай-теком — не стерильным журнальным, а в варианте «мы построили роскошный стеклянный комплекс на краю океана, а потом заселили туда триста подростков с неконтролируемой магией».

Главное здание поднималось над скалистым уступом пятью прозрачными ярусами. Стеклянные стены отражали небо и океан, плавные линии фасада изгибались, словно волны, застывшие в металле. От центра расходились узкие переходы — длинные, волнистые, подвешенные над камнями и зеленью. Там нам и предстояло жить, если мы не сбежим, не сойдём с ума и не будем съедены чем-то, о чём в школьных буклетах, разумеется, забыли предупредить.

Но лоск был обманчивым. Чем дольше я смотрела, тем отчётливее замечала трещины в стекле, залатанные серебряными швами. На одном из переходов чернело пятно, похожее на след пожара. В боковой стене виднелась грубо заделанная брешь, поверх которой кто-то пустил декоративные лианы, будто растение могло убедить нас, что так и задумано.

— Добро пожаловать в школу, — пробормотала я себе

под нос. — Не прислоняйтесь к стенам, они могут быть бывшими.

— Ты всегда разговариваешь сама с собой? — спросил кто-то рядом.

Я повернулась. Высокий парень с тёмными глазами и открытой улыбкой стоял, закинув рюкзак на одно плечо. Тёмные волосы торчали в разные стороны, будто он тоже перенёсся сюда не по своей воле, а после драки с подушкой.

— Только когда окружающая реальность недостаточно убедительна, — ответила я.

— Тогда сегодня можно, — согласился он. — Тимур.

— Кира.

— Ты тоже думала, что будет замок?

— Я думала, что будет что-то менее похожее на дорогой санаторий после нападения стаи бешеных архитекторов.

Тимур посмотрел на корпус и кивнул с уважением.

— Сильное описание. Я украду.

— Пользуйся.

— Первое правило школы, — громко объявил мистер Грейвс, хлопнув в ладоши. — Ничего не трогать, пока вам не сказали, что это можно трогать. Второе правило: если вам сказали, что это можно трогать, сперва спросите, точно ли можно. Третье правило: если предмет светится, шепчет, дергается или обещает исполнить желание, бегите за преподавателем. Не героически, а быстро.

В толпе снова прошёл смешок, но уже осторожный.

— А если преподаватель светится и шепчет? — спросила рыжая девочка с двумя косичками.

— Тогда это либо профессор Рей после переработки на границе, либо вы нарушили первое правило, — невозмутимо ответил Грейвс. — В обоих случаях бегите за другим преподавателем.

Так мы и пошли к корпусу: толпа детей, которые ещё утром принадлежали нормальному миру, а теперь тащились по песку к школе в Бермудском треугольнике, слушая старика, который слишком весело говорил о вещах, от которых хотелось нервно смеяться и проверять, есть ли обратная монета домой.

С трёх сторон школу огибал тропический лес: густой, тёмный, не рекламный. Между деревьями мелькали яркие цветы, похожие на раскрытые пасти. Лианы свисали с ветвей и местами шевелились не от ветра. За лесом поднимались чёрные остроконечные скалы. Вся красота острова держалась на тонкой границе: шаг в одну сторону — рай, шаг в другую — место, где тебя найдут не сразу и не целиком.

— Они двигаются? — тихо спросила плачущая девочка, глядя на скалы.

— Нет, — сказал Грейвс.

Она облегченно выдохнула.

— Обычно нет, — добавил он.

— Это должно успокаивать? — уточнил Тимур.

— Это должно учить вас не задавать вопросы, к которым

вы не готовы.

Чем ближе мы подходили к корпусу, тем сильнее я ощущала вибрацию под ногами. Не землетрясение. Скорее пульс. Низкий, едва заметный, будто остров дышал где-то глубоко под песком. Я остановилась на секунду и посмотрела вниз.

— Почувствовала? — спросил Тимур.

— Ты тоже?

— Ага. Будто кто-то басы включил под пляжем.

Мы переглянулись. Странно, но стало спокойнее: значит, я не сошла с ума первой.

— Это купол, — сказал рядом женский голос.

К нам подошла девушка лет двадцати двух, высокая, подтянутая, с белокурыми волосами, собранными в тугую пучок. На ней был спортивный костюм пыльно-сиреневого цвета, и выглядела она так, будто могла заставить группу подростков отжиматься одним взглядом.

— Защитная граница проходит вокруг острова и частично через породу, — объяснила она. — Новички иногда чувствуют её как вибрацию. Привыкнете.

— А если не привыкнем? — спросил Тимур.

— Тогда будете страдать молча. Тамара, ассистентка физической подготовки.

Она пошла дальше, не проверяя, оценили ли мы знакомство.

— Мне уже нравится, — прошептал Тимур.

— Тебе нравится страдать молча?

— Мне нравится, когда правила объясняют честно.

Мне, наверное, тоже. Но честность этой школы с самого начала больше напоминала предупреждение на ядовитом растении: спасибо, конечно, что написали, только почему оно стоит посреди спальни?

Праздник поступления прошёл в большом зале центрального корпуса. Зал был круглый, с прозрачным куполом вместо потолка. Через него было видно небо, медленно темнеющее к вечеру. По стенам переливались тонкие линии защитных чар. Они были похожи на светящиеся трещины и время от времени складывались в узоры: волны, раковины, звезды, странные символы, которые я не понимала.

Нас усадили за длинные столы по группам. Группы формировались прямо на месте: над каждым столом вспыхивал номер, а наши монеты нагревались и тянули в нужную сторону. Моя монета потянула к шестому столу. Там уже сидели Тимур, плачущая девочка, рыжая с косичками, хмурый парень с идеально выглаженной рубашкой, ещё несколько ребят и девочка с таким взглядом, будто она заранее всем недовольна.

— Шестая группа, — прочитал Тимур над столом. — Звучит нейтрально.

— Как номер палаты, — сказала рыжая.

— Или камеры, — добавил хмурый парень.

— Официально это группа или уже категория риска? — спросила светловолосая девочка, доставая из сумки маленький блокнот.

— Замечательно, — сказала я. — Мы уже почти семья.

На слове «семья» плачущая девочка снова шмыгнула носом.

— Я Катя, — сказала она тихо.

— Кира.

— Тимур. Буду отвечать за оптимизм, пока его не запретят.

— София, — представилась рыжая и дёрнула косичку. — Можно Соня.

— Лиза, — сказала девочка с блокнотом и сразу записала наши имена. — Чтобы потом не путаться, если нас начнут оформлять.

— Бойд, — сказал хмурый парень. Коротко, будто имя тоже было лишним.

Девочка с недовольным взглядом откинулась на спинку стула.

— Марина.

Она произнесла имя резко, будто ставила точку. Тогда она была просто одной из тридцати. Позже это станет одним из тех воспоминаний, которые цепляются за горло: человек успел назваться, а ты всё равно не услышала.

Праздник оказался странной смесью торжественной речи, школьной линейки и банкета, где взрослые делали вид, что знают, что происходит. Временный руководитель корпуса, Александр Ллойд, появился под конец. Я узнала его сразу — тот самый холодный взгляд, идеальный костюм, трость с серебристым набалдашником. Если на семейном ужине он казался чужим гостем, то здесь выглядел хозяином. Школа вокруг будто подстраивалась под его шаг.

— Добро пожаловать в четвёртый корпус, — сказал он со сцены. Голос усиливался чарами, но не звучал громко. Он просто оказывался рядом, у самого уха. — Вы вошли в мир, где сила без контроля опаснее любого врага. Первый курс

научит вас главному: выживать рядом с собственной магией.

Александр обвёл зал взглядом. На секунду мне показалось, что он остановился на мне. Может, просто потому, что я знала его лицо. Может, потому что наши отцы о чём-то договорились. А может, потому что у некоторых людей есть талант заставлять тебя чувствовать себя заранее виноватой.

— Ваша группа станет вашей опорой, — продолжил он. — Или вашей первой ошибкой. Вы сами решите, чем именно.

Он говорил о нас так, будто мы уже были не людьми, а строками в ведомости: группа, курс, риск, ошибка. Не имена — параметры. Не страх — адаптационный период. Очень мотивирующе. Прямо хотелось встать и побежать в счастливое магическое будущее. Желательно через запасной выход.

Первые дни слились в поток правил, новых лиц и постоянной усталости. Нас водили по корпусу: аудитории, столовая, медицинский блок, библиотека, полигоны, теплицы, общежития, эвакуационные переходы и места, куда нельзя заходить даже если «очень интересно». Последние я запомнила лучше всего.

Комнаты оказались небольшими, но отдельными. После целого дня среди незнакомых людей мне требовалось место, где можно закрыть дверь и не улыбаться. Моя комната находилась на третьем ярусе малого корпуса, окна выходили на лес и кусок океана. Ночью за куполом мигали синие огни — патрульные линии границы. Иногда в темноте звучало что-то похожее на пение, но стоило прислушаться, и оно исчезало.

— Сирены, — сказала Лиза в первый вечер, когда мы стояли в общей гостиной у огромного окна.

— Нам сказали, их пение не действует на волшебников, — возразил Тимур.

— Формулировка была «в большинстве случаев», — поправила Лиза. — А это обычно значит: кто-то уже проверял и не всем понравилось.

Справедливо.

О сиренах нам рассказали на вводной лекции. Если коротко: из-за них Бермудский треугольник закрыли защитным куполом. Неодарённые не должны были попадать сюда. Их приборы сбивались, маршруты путались, а если кто-то всё равно шёл в запретную зону, пограничники поднимали шторм и разворачивали судно. Если не успевали, людей находили сирены.

Точнее, не находили.

— Волшебникам их пение не страшно, — объясняла преподавательница истории магических территорий, сухая женщина с серебряными волосами и голосом, которым удобно зачитывать смертные приговоры. — В большинстве случаев ваша магия способна сопротивляться зову. Однако сопротивляться — не значит не слышать. Запомните разницу.

— А если слышали? — спросил кто-то.

— Не идите к воде.

— И всё?

— Если вы способны выполнить это простое указание, то

да, этого достаточно.

Очень обнадеживающе.

Справедливый вопрос: зачем строить школу там, где за куполом поют существа, заманивающие людей на смерть. Ответ оказался прост и безумен. Сначала был остров. Потом — защитный пункт. Потом — корпус. Потом сирены окончательно «облепили» район, как выразился мистер Грейвс. Закрывать школу стало дорого, переносить — опасно, а использовать опасность как часть обучения взрослым, видимо, понравилось.

Тогда я поняла: магический мир изобрёл «практическую направленность» раньше, чем здравый смысл.

Во втором полугодии нас ждали дежурства на границе купола. Об этом сообщили в первый же день, чтобы мы не расслаблялись и не думали, что главная проблема первого курса — найти аудиторию.

Первое занятие было медитацией.

Алиса, ассистентка преподавателя Тэфи, выглядела так, будто случайно забрела в школу из рекламы весеннего чая: нежная, светлая, в мягком свободном костюме цвета молока. Через десять минут стало ясно: если Тамара могла заставить нас отжиматься взглядом, то Алиса умела тем же взглядом заставить признаться в детских травмах и сесть в позу лотоса добровольно.

— Магия не любит, когда её запирают, — сказала она, проходя между рядами сидящих на траве первокурсников.

— Но она обожает, когда ей дают повод вырваться. Гнев, страх, стыд, восторг, влюбленность, зависть — всё это двери. Ваша задача не закрыть двери. Ваша задача научиться не распахивать их ударом ноги.

— А если уже распахнули? — спросил Тимур.

— Тогда окружающие будут надеяться, что рядом есть я. Она улыбнулась. Почему-то от этой улыбки стало страшнее.

Физическую подготовку вела Тамара. На первом занятии она поставила нас в круг, оглядела и сказала:

— Половина из вас думает, что магия решит все проблемы. Вторая половина думает, что физическая форма теперь не важна. Обе половины ошибаются. Если вы не успеете убежать от собственной ошибки, магия вас не спасет.

После разминки я почти согласилась умереть добровольно.

— Ваша группа — это семья, всё, что у вас есть на ближайший год, — объясняла Тамара на третьем занятии, пока мы лежали на траве и пытались выглядеть живыми. — Одиночки красиво смотрятся в легендах. В отчётах о смерти они выглядят глупо.

— А если семья не очень? — спросила Марина.

Она говорила громко и с вызовом. Тогда мне казалось, что она просто любит спорить.

— Тогда делайте её лучше, — отрезала Тамара. — Или умирайте вместе с плохой.

— Очень вдохновляет, — пробормотала Лиза.

— Зато понятно, — сказал Тобиас. — Держаться рядом.

— Не держаться, — тихо поправила Тина. — Не исчезать

по одному.

Тамара посмотрела на неё и кивнула:

— Уже лучше.

Мы не восприняли это всерьёз. В обычной школе тоже любили говорить «класс — это семья». Здесь всё казалось таким же, только дороже, опаснее и с шансом случайно поджечь потолок.

А потом потолок действительно рухнул.

К концу первой недели нас официально осталось двадцать девять.

Это случилось после обеда, в боковом коридоре второго яруса. Марина спорила с Катей. О чём именно — никто потом не мог вспомнить нормально. То ли из-за места за столом, то ли из-за пролитого сока, то ли из-за мелочи, которая в другой жизни закончилась бы обидным словом и хлопнувшей дверью.

— Ты специально! — голос Марины сорвался на визг.

— Да не специально я, прости! — Катя отступила назад, бледная и растерянная.

— Ты всё время делаешь вид, что бедная и несчастная, чтобы тебя жалели!

Мы стояли рядом, кто-то пытался вмешаться, кто-то смотрел с интересом, кто-то ждал, когда они сами закончат.

Я помню, как Марина щелкала ногтем по браслету. Быстро-быстро. Металлический звук резал воздух.

Щелк. Щелк. Щелк.

Потом браслет раскалился.

Не огнём — светом. Белым, резким, как вспышка фотоаппарата. Воздух над нами хрустнул.

Звук обрушившегося потолка оказался не таким, как в фильмах. Не грохот, не драматический удар, а тяжёлый, глухой хлопок, будто огромная ладонь прихлопнула что-то маленькое. Пыль взлетела мгновенно. Кто-то закричал. Кто-то упал на колени. Я стояла и смотрела на белую взвесь в воздухе, потому что мозг отказывался соединять простые факты: секунду назад человек стоял — теперь его не было видно.

Потом пришла Алиса.

Она не кричала. Не суежилась. Только опустилась рядом с завалом, положила ладонь на каменную крошку и закрыла глаза. Камень послушно разошёлся, как вода. На секунду мне показалось, что всё можно исправить. Что сейчас Марина закашляется, выругается, а мы будем долго рассказывать эту историю как первый общий кошмар.

Но Алиса открыла глаза, и надежда стала тонкой, как пыль.

— На полигон, — сказала она нам.

— Но — начал Бойд.

— Все, — повторила Алиса.

И мы пошли. Послушно, молча, будто если сделать всё

правильно, чужая беда станет частью расписания и перестанет быть настоящей.

Вместо объяснений нас отправили на полигон для медитации. Весь день мы сидели под палящим солнцем и учились дышать. Вдох — удержать. Выдох — отпустить. Вдох — удержать. Выдох — не думать о том, что утром Марина сидела за завтраком напротив, а вечером её имя исчезло из списка группы.

— Учащаяся Громова временно выведена из состава корпуса, — сказала Алиса ближе к закату.

Мы подняли на неё глаза.

Временно. Выведена. Из состава.

Три аккуратных слова, в которых почему-то не было ни Марины, ни крови на её рукаве, ни нашего страха.

— Это результат магического всплеска, — продолжила Алиса. — Жестоко? Да. Несправедливо? Возможно. Но если вы будете думать, что магия обязана учитывать вашу растерянность, вы долго не проживете.

Я смотрела на свои ладони и думала, что утром проснулась в мире, где можно было не знать, кем стать. А теперь мир требовал решить, как не стать строкой, которую однажды выведут из состава.

После медитации нас не сразу отпустили на артефакторику. Сначала была ментальная безопасность.

Разумеется. После смерти человека самый логичный школьный ход — посадить детей в белую аудиторию и объяс-

нить им, что их эмоции тоже могут быть подозрительными.

Кассандра Райли появилась без журнала и без помощников. Невысокая женщина в тёмном костюме, с гладко убранными волосами и мягким лицом, которое почему-то не успокаивало.

— Я не читаю мысли без разрешения, — сказала она. — Но страхи первокурсников после всплеска обычно лежат на поверхности. Называть их вслух полезнее, чем позволять им гнить внутри.

Полезнее. Как витамины. Или как прививка, которую тебе ставят, пока ты ещё не понял, что вообще стоял в очереди.

Она попросила нас представить место, где мы чувствуем себя в безопасности. Соня закрыла глаза и сжала ладонь Кати. Катя дрожала так мелко, что это было видно даже через рукав формы.

Кассандра прошла между рядами. Воздух за ней становился тише. Когда она остановилась возле Кати, та резко вдохнула.

— Не держите в себе вину, Екатерина, — мягко сказала Кассандра. — Чужая смерть не становится вашей только потому, что вы стояли рядом.

Катя побледнела.

— Она не говорила вам, что чувствует вину.

— Она сказала это дыханием, — ответила Кассандра. —

Иногда помощь начинается до слов.

— А иногда вторжение тоже, — тихо сказала Тина.

Кассандра посмотрела на неё внимательно. Не зло. Хуже

— с интересом.

— Запомните эту мысль, Волкова. Менталист, который не различает поддержку и вторжение, однажды назовёт насилие лечением.

Звучало правильно. Поэтому я почти поверила.

Потом Кассандра остановилась у Бойда.

— Райли, — произнесла она мягче. — Сын Брендана?

Бойд напрягся так, будто его фамилию использовали как

крючок.

— Да.

— Ваш отец был сильным артефактором.

— Был, — сказал Бойд.

— Родство не приговор. Но иногда предупреждение.

Он больше не поднял глаз до конца занятия.

Я тогда решила, что Кассандра просто не умеет быть деликатной. Очень наивная мысль. В этой школе неделикатность часто оказывалась репетицией чего-то худшего.

После ментальной безопасности началась артефакторика.

Стилкрофт вошла в аудиторию так, словно была не преподавательницей, а последним аргументом в споре. Стройная, идеально собранная, в тёмном платье с высоким воротом, она двигалась мягко и беззвучно. На её руках были только тонкие кольца с матовыми камнями. Позже я узнала, что каждое могло в нужный момент превратиться в маленькую катастрофу.

— В конце первого полугодия вы создадите направляющий артефакт, — сказала она, даже не открыв журнал. — Его создание и есть цель изучения данной дисциплины.

Она подняла руки. В воздухе вспыхнули две тонкие линии света, сжались — и в её пальцах оказались два прозрачных кинжала. От них шло такое ощущение опасности, что даже задний ряд притих.

— Направляющий артефакт — не аксессуар, — продолжила Стилкрофт. — Это жизнь и смерть волшебника. Он

концентрирует магию, придаёт ей форму и не позволяет вам разнести себя изнутри.

Кинжалы исчезли так же легко, как появились.

— Будущие хранители границ чаще выбирают оружие. Целители, природники, менталисты — украшения. Земледельцы, травологи, алхимики — инструменты. Выбор многое говорит о волшебнике. Иногда больше, чем ему хотелось бы.

— А если выбрать неправильно? — спросил Бойд.

— Неправильно выбранный артефакт не станет вашим.

— А если всё равно заставить?

Стилкрофт остановилась рядом с ним.

— Артефакты не любят насилие, Райли. Особенно направляющие. Обычно они отвечают взаимностью.

Бойд больше вопросов не задавал.

— Лишить волшебника направляющего артефакта всё равно что нанести смертельную рану, — продолжила она. — Поэтому один из главных законов запрещает воровство или порчу чужого артефакта. Даже случайную. Наказание?

— Изъятие магии и отправка в неударённый мир, — хором ответили мы.

Хором у нас получалось уже лучше. Видимо, страх отлично развивает дисциплину.

Если бы у меня был выбор, я предпочла бы татуировку. Физический предмет казался слишком уязвимым: его можно забыть, потерять, уронить, подарить не тому человеку на

волне глупой романтики.

— Кан, — сказала Стилкрофт.

Я подняла взгляд.

— Вы уже мысленно спорите с программой?

— Нет.

— Жаль. Иногда спорящие ученики создают самые интересные вещи. Главное — дожить до момента создания.

Это, кажется, был комплимент. Или угроза. В этой школе грань между ними была слишком тонкой.

Следом шло земледелие.

Оливер Джойс был скучным преподавателем так старательно, что это уже почти становилось талантом. Он носил льняные рубашки, широкополую шляпу и выражение лица человека, который по-настоящему верит: семечко — это философский трактат, который нам всем необходимо срочно прочитать.

— Семя — это обещание, — говорил он на первом занятии, пока мы стояли в хранилище семян. — Оно не обязано раскрыться перед нетерпеливым. Оно не обязано быть красивым. Оно не обязано соответствовать вашим ожиданиям. Оно просто есть. И ваша задача — услышать его.

— Я слышу, как хочу есть, — прошептал Тимур.

— Это тоже природный сигнал, — ответила я.

Хранилище семян было прохладным, полутёмным и пахло сухими травами. На полках стояли сотни прозрачных контейнеров: обычные зёрнышки, светящиеся шарики и что-то,

что шевелилось слишком уверенно.

— Не выбирайте глазами, — сказал Джойс. — Выбирайте ладонью.

Мы должны были пройти вдоль полок и взять то семя, которое «отзовётся». Лиза взяла огненную настурцию, потому что она «сама прыгнула в карман, значит, судьба». Катя выбрала фиалку туманных полей. Бойд — какое-то упрямое колючее дерево, название которого звучало как оскорбление.

А я отличилась семечком гимпи-гимпи.

Оно лежало в самой дальней секции, в маленькой чёрной коробочке с двойной защёлкой. Когда я проходила мимо, коробочка тихо щёлкнула. Я решила, что мне показалось. Она щёлкнула ещё раз. Я протянула руку, и крышка сама приоткрылась.

— Не советую, — сказал Джойс у меня за спиной.

— Оно само.

— Многие неприятности начинают именно с этой фразы.

Внутри лежало маленькое тёмное семечко, невзрачное, будто высохшая крошка. Оно не светилось, не пело, не обещало великой судьбы. Просто лежало и упрямо ждало.

— Что это? — спросила я.

Джойс посмотрел так, словно я привела домой дикого кабана и спросила, можно ли оставить.

— Гимпи-гимпи. Жалящее растение. Его высаживают вдоль убежищ, чтобы отвлечь посторонних. Прикосновение вызывает боль такой силы, что неударённый может умереть от сердечного приступа. Волшебник — не умереть, но очень пожалеть об этом.

— Замечательно, — сказала Лиза. — Кира, ты нашла цве-

точек под характер.

— Я вообще-то хотела что-нибудь спокойное.

— Растения редко ошибаются, — сухо сказал Джойс.

С тех пор он смотрел на меня с подозрением. Я на него тоже. Взаимная педагогическая связь установилась успешно.

На занятиях мы рыхлили землю, поливали и слушали бесконечные речи о терпении. Джойс запрещал ускорять рост магией.

— Природная магия не должна насиловать природу, — повторял он. — Она должна сотрудничать.

— Мой гимпи-гимпи сотрудничает только с желанием всех покалечить, — сказала я однажды.

— Возможно, он отражает внутреннее состояние хозяйки.

— Тогда мне нужен психолог, а не лейка.

Рейчел, его ассистентка с косичками, прыснула со смеху, но быстро сделала вид, что кашляет.

К концу месяца мой листочек подрос и выглядел вполне невинно. Именно это в нем и пугало. Самые опасные вещи редко выглядят опасными сразу. Иногда они сидят в горшке, зеленеют и ждут, когда ты расслабишься.

Следующей по расписанию была природная магия.

На эти занятия мы действительно бежали. После земледелия хотелось двигаться, а профессор Кирриан Рей умел делать из магии то, чем она должна была быть в детских мечтах: ветром в ладонях, водой, которая слушается, землёй, которая отвечает на шаг.

В неударённом мире он имел докторскую по информационным технологиям, а в волшебном совмещал преподавание с командованием пограничной службой Бермудского треугольника. Это сочетание казалось настолько странным, что я представляла, как он днём вызывает цунами, а вечером спорит с компьютером из-за обновлений.

Выглядел Рей так, будто природа лично подписала ему разрешение быть слишком красивым: высокий, статный, с чёрной короткой бородой к скулам и волосами, собранными на макушке. Девочки это заметили. Мальчики тоже, но делали вид, что нет.

— Природная магия — не набор фокусов, — сказал он на первом занятии. — Это разговор. Если вы пришли командовать стихиями, у меня плохие новости: стихии старше, сильнее и терпеливее вас. Если вы пришли слушать, возможно, вы чему-нибудь научитесь.

Он поставил нас на берегу. Волны накатывали на песок, оставляя пену вокруг обуви.

— Закройте глаза.

Мы закрыли.

— Слушайте воду.

Сначала я слышала только шум. Потом — ритм. Прилив, откат, пауза, снова прилив. Дыхание моря оказалось не ровным, а живым: где-то упрямым, где-то ленивым, где-то злым. Я почувствовала, как под ступнями тянется влажный песок, как ветер цепляется за кожу, как в глубине волны собирается

сила, прежде чем разбиться о берег.

— Не хватайте, — сказал Рей где-то рядом. — Хватать будет тот, кто боится потерять. Позвольте ей пройти через вас.

Я не поняла, что именно сделала. Просто на секунду перестала думать о том, как это должно выглядеть. И вода ответила. Тонкая струйка поднялась у моих ног, изогнулась, как прозрачная лента, и коснулась пальцев.

— Хорошо, — сказал Рей.

Я открыла глаза.

Рядом Тимур пытался убедить ветер не задирать ему рубашку. Соня спорила с огнём, который упрямо принимал форму её косичек. Катя стояла неподвижно, вокруг её ладоней собирался туман. Бойд смотрел на океан так, будто тот задолжал.

Именно здесь я снова столкнулась с Кристианом.

На занятиях он предпочитал стоять у низкого ограждения, которым были обнесены тренировочные полигоны, и наблюдать за группой с видом человека, которому уже надоело спасать идиотов, но работа есть работа. Иногда он резко накладывал останавливающую магию на того, кто терял контроль. Пространство вокруг ученика застывало на секунду прозрачным куполом, словно время внутри него густело.

Однажды под такой купол попало полгруппы, когда Катя — уже получившая прозвище Беда — испугалась собственной силы и направила на нас град. Град был мелкий, но очень мотивирующий. После этого прозвище прижилось, хотя она обижалась.

Чуть позже я узнала, что Кристиан не просто ассистент

профессора Рея, а его правая рука на границе. Это же узнали и другие девочки, отчего популярность Пучка возросла до неприличных высот: почти принц на белом коне, только вместо коня копьё и комплекс превосходства.

Меня его популярность раздражала. Не потому, что я ревновала. Конечно нет. Просто люди слишком быстро начинали сиять глазами, когда он проходил мимо, а это мешало нормальному восприятию реальности.

Природная магия давалась мне легко. Подозрительно легко. Вода отвечала быстрее, чем должна была. Ветер слушал не всегда, но хотя бы не делал вид, что я мебель. Земля под ногами отзывалась низким тёплым гулом, особенно рядом с лесом.

— У тебя сильный отклик, — сказал однажды Рей, когда я сумела удержать вокруг ладони маленький вихрь солёной воды.

— Это хорошо?

— Это ответственность.

— В этой школе вообще существует слово «хорошо» без подвоха?

Он улыбнулся.

— Существует. Но первокурсникам его выдают дозированно.

Пусть природная магия и давалась мне проще других, на границу я совсем не хотела. Любое сражение было не для меня. В моей голове существовала черта, которую, прибыв

на границу, я должна буду перейти. И мне категорически не хотелось знать, что находится по ту сторону.

В тот вечер на остров опускалась ночь.

С полигона открывался вид на океан — такой красивый, что хотелось на время забыть о Марине, сиренах и том, что школа бодро готовит нас к чему-то, о чём не договаривает. Небо темнело медленно. Первые звёзды появлялись над куполом, словно кто-то прокалывал ткань мира тонкой иглой.

После занятия я рухнула на спину посреди полигона. Трава была тёплой после дневной жары, но от земли уже поднималась ночная прохлада. Одногоруппники расходились, общий свет корпуса гасили по секциям, звёзд становилось больше.

Где-то сверху прошуршала трава.

— У тебя отлично получается, — сказал Кристиан, присаживаясь рядом на корточки.

Он говорил без привычной насмешки, и именно поэтому я не сразу нашла, что ответить. Похвала от преподавателя воспринималась как часть учебного процесса. Похвала от одногруппников — как повод ждать подвоха. Похвала от Кристиана была чем-то третьим: неприятно теплым и совершенно лишним.

— Ты это сейчас как наставник сказал или как человек, которому стало скучно молчать? — спросила я.

— А есть разница?

— Если как наставник, я должна принять к сведению. Ес-

ли как человек — могу не поверить.

Кристиан усмехнулся и сел на траву рядом, не спрашивая разрешения.

— Ты слишком много думаешь.

— В этой школе люди умирают от эмоций. Думаю, думать безопаснее.

— Не всегда. Иногда мысль раскручивает страх сильнее, чем сам страх.

Я повернула голову.

— Это ты сейчас из учебника цитируешь?

— Из опыта.

На секунду между нами образовалась тишина. Не неловкая, а внимательная. Он смотрел не на меня, а на океан, и в профиль казался старше своих лет. Не пижоном из магазина, не раздражающим красавчиком с копьём, а человеком, который уже видел достаточно, чтобы не произносить слово «опыт» просто так.

— А у тебя когда впервые сорвало магию? — спросила я.

Он долго молчал.

— На первом курсе.

— И?

— И я чуть не убил брата.

Ответ прозвучал ровно. Слишком ровно.

Я сразу пожалела, что спросила.

— Прости.

— Не надо. Это хороший вопрос для ученицы, которая

считает контроль скучной частью программы.

— Я не считаю его скучным.

— Считаешь. Просто теперь будешь лучше притворяться.

Вот теперь в его голосе снова появилась насмешка. И почему-то от этого стало легче.

Я поймала взглядом хвост падающей звезды и глупо заулыбалась.

Стоп.

В этом году желание было только одно — не умереть на границе. А он был просто учтив. Или выполнял просьбу своего отца. Или моего. Или сразу обе. Взрослые вообще любили договариваться за моей спиной, а потом называть это заботой.

— Я поговорил с деканом, — сказал Кристиан. — Возьму тебя в наставничество.

Пижон. Я и так догадалась, вспомнив разговор наших отцов. Какой от этого прок? Чему он может меня научить, если у нас обоих настолько плотное расписание, что на дополнительные занятия просто нет времени?

— Только меня? — зачем-то спросила я.

Мне показалось, или это прозвучало ревниво? Хотя, исходя из нашей загруженности, мне и другим от такого наставника толку мало.

— Пока да.

— Почему?

Он посмотрел на меня. Лунный свет лег на его лицо хо-

лодным бликом, и на секунду зелень глаз стала почти стеклянной.

— Потому что тебе лучше держаться поближе.

— Это звучит как угроза.

— Это звучит как совет.

— У тебя все советы звучат так, будто где-то рядом уже выкопали яму.

Кристиан улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз.

— Значит, слушай внимательнее.

Я хотела ответить что-нибудь язвительное, но под спиной вдруг прокатилась лёгкая вибрация. Возможно, стоя на ногах, я бы не ощутила её. Но я лежала на траве, поэтому она прошла через всё тело, от затылка до пяток, и запустила рой мурашек.

Кристиан поднялся мгновенно.

— Вставай.

— Что?

— Сейчас.

Он не стал ждать. Подхватил меня за плечи, резко поднял и прижал спиной к своей груди. Вокруг нас вспыхнул прозрачный купол. Спустя мгновение в него врезались осы. Десятки ос. Они бились о защиту с сухим злым треском, оставляя на куполе крошечные желтые вспышки.

— Это что ещё за...

— Бегут, — сказал Кристиан.

— От кого?

— Вот это плохой вопрос.

В его правой руке материализовалось копьё. Длинное, тёмное, с серебристым наконечником, по которому пробежали тонкие линии света. Направляющий артефакт. Значит, его артефакт — копьё. До чего же заметный и непрактичный выбор.

— Ты быстро бегаешь? — спросил он прямо мне на ухо.

От его голоса по коже пробежали новые мурашки. Совершенно неуместные. Организм явно не понимал, что сейчас момент для выживания.

— Недостаточно, — честно ответила я.

Кристиан посмотрел в сторону океана. Я тоже посмотрела. И увидела, как волна поднимается.

Сначала показалось, что горизонт просто стал выше. Потом тёмная линия разрослась, закрывая часть неба. Ветер ударил в лицо влажной ладонью. Где-то далеко заревели тревожные сигналы корпуса. Огни защитной сети вспыхнули ярче.

— Я думаю, неударённые снова попытались проплыть приграничную зону, — сказал Кристиан слишком спокойно.

— Кто-то из пограничников направил волну не туда.

— Не туда — это на школу?

— Да.

— Замечательно. Очень точное профессиональное «не туда».

— Нам надо вернуть тебя в корпус.

Он сказал это скорее себе, чем мне. Но мы были на крайнем полигоне, у береговой линии. До школы — не меньше трёх километров. Даже если бы я бежала как человек, которому обещали бесплатную жизнь без магии, мы не успели бы.

Волна росла. Уже не линия. Стена.

— Кристиан, не медли! — раздался голос профессора Рея.

Он появился справа, будто вынырнул из темноты.

— Но она...

— Я присмотрю.

Кристиан на секунду задержал руку на моём плече. Слишком крепко. Потом отцепился и подтолкнул меня за спину профессора.

— Не отходи от него, — бросил он.

— Даже не планировала героически утонуть.

Он уже не слушал.

Кристиан взмыл вверх так резко, что трава под его ногами легла кругом. Копьё раскрутилось в его руках, оставляя в воздухе серебристые спирали. Он завис перед волной — маленькая тёмная фигура на фоне океанской стены.

На секунду мне стало физически плохо от несоответствия размеров.

— Он справится? — спросила я.

— Если перестанет красоваться, — спокойно ответил Рей.

— Да.

— Он красуется перед цунами?

— Некоторые привычки сильнее здравого смысла.

Волна ударила в невидимую преграду перед Кристианом. Не остановилась — замедлилась. Копьё вращалось всё быстрее, вокруг конечника собирался тусклый свет. Громада воды начала терять форму: верхушка рассыпалась пеной, середина провалилась, края разошлись в стороны.

— Это называется рассеивание, — сказал Рей. — Не разрушение силы, а возвращение её в естественное состояние. Далеко не многие мои ученики овладевали этим до выпуска. Кристиан — единственный на данный момент.

Я смотрела и не могла оторвать взгляд.

Этот пижон из магазина, который покупал торт и вино, сейчас воевал с океаном. И выигрывал.

Огромная волна, совсем потерявшая мощь, окончательно расплескалась мелкими брызгами, оставляя за собой слабый прилив. Вода добралась до наших ног, намочила обувь и тут же откатилась назад, будто извинялась.

Кристиан приземлился рядом. Ровное дыхание, спокойное лицо, копьё исчезло. Слово он не только что остановил цунами, а вынес мусор.

— Отведи свою юную ученицу в общежитие, — распорядился Рей. — Я отправлюсь на границу разбираться, кто решил подарить школе ночное купание.

— Да, сэр.

Профессор ушёл в сторону берега, и его силуэт быстро растворился в темноте.

Кристиан тяжело вздохнул.

— Пошли.

Я молча поплелась следом.

Некоторое время мы шли в тишине. Тропа петляла между полигонами, над нами гасли последние тренировочные огни,

а вдалеке корпус светился стеклянными ребрами, как морское животное, выброшенное на скалы и научившееся притворяться зданием.

— Как рассеять цунами? — спросила я наконец.

Кристиан ухмыльнулся.

— Куда тебе до рассеивания. Сначала научись контролировать эмоции, а то дрожала, как осиновый лист.

— Я не дрожала.

— Дрожала.

— Это была тонкая настройка на вибрацию купола.

— Конечно.

— И вообще, если человек не хочет быть раздавленным водой, это не эмоциональная нестабильность, а уважение к физике.

— Физика в магическом мире часто обижается, когда её вспоминают слишком поздно.

Я покосилась на него.

— Ты всегда такой самодовольный после спасения мира?

— Только когда мир ведёт себя неблагодарно.

Я фыркнула.

В голове снова возникла глупая картинка: купол, его рука на моём плече, спокойный голос у самого уха. Видимо, я не успела стереть с лица дурацкое выражение, потому что Кристиан сказал:

— Я всего лишь поставил щит. Не подумай ничего лишнего.

Он оправдывался? Передо мной? То есть цунами он не боялся, а моих возможных выводов — да? Это было почти мило. Почти.

— «Лишнего» — это чего? — уточнила я.

Кристиан закатил глаза и ускорил шаг.

Мимо нас неспешно прошёл Бойд.

Он даже не кивнул. Его глаза были открыты, но взгляд — пустой, направленный куда-то вдаль. Он шёл в сторону воды, хотя все тревожные огни уже погасли и выходить к берегу ночью после цунами было идеей примерно такого же уровня, как гладить мой гимпи-гимпи.

— Эй, Бойд, куда собрался? — окликнул его Кристиан.

Бойд не ответил.

Кристиан нахмурился, нагнал его в три шага и схватил за плечо. Бойд вывернулся медленно, как во сне, и пошёл дальше. На его губах шевелились слова, но звука не было.

— Бойд! — голос Кристиана стал жёстче.

Тот снова не отреагировал.

Кристиан бросил на меня быстрый взгляд. В нем мелькнуло раздражение. Или тревога. Или расчет.

— Ты дойдёшь сама?

— А варианты?

— Мне даже интересно, кто его околдовал и куда он так уперто тащится.

— Может, позовешь преподавателя?

— Позову, если понадобится.

Он уже отходил.

— Кристиан.

Он обернулся.

— Что?

Я хотела сказать: «Не оставляй меня одну». Но это звучало слишком жалко. Поэтому сказала:

— Если его съедят, я не буду писать объяснительную.

— Щедро.

И он ушёл за Бойдом.

Ну и чёрт с ним. Надеюсь, потом расскажет. Хотя, зная Кристиана, он скорее загадочно промолчит.

Я пошла дальше одна.

Школа уже показалась за деревьями, когда я наступила в лужу.

Звук был тихий, почти обычный. Влажный хлюп под подошвой. Но дождя не было. Цунами докатилось сюда только слабым приливом, и тропа должна была быть сухой.

Я остановилась. Возможно, я бы не заострила на этом внимание, если бы не цунами и не Бойд.

Вокруг было темно. Тропа до корпуса освещалась редкими световыми шарами, и ближайший почему-то погас. Очень вовремя. Спасибо, школа, за заботу о драматическом напряжении.

Я вытащила телефон и включила фонарик.

Кровь.

Она выглядела не так, как я ожидала. Не театральным

красным пятном, а почти чёрной лужей, густой и блестящей в свете фонарика. Края впитались в песок рваными разводами. Дальше тянулись следы, будто кто-то пытался уйти, но сил хватало только на несколько шагов.

Сердце застучало чаще — глухо, тяжело, в висках. Лес вокруг перестал быть декоративной тропической зеленью из школьной брошюры. Каждый лист казался слишком тёмным, каждый корень — похожим на пальцы.

«Позови взрослого», — сказала разумная часть меня.

«Это кровь, идиотка», — подытожила третья.

Вот ей я поверила больше.

Но уйти всё равно не смогла.

Я набрала маму, молясь, что она ещё не спит. Ночных звонков я обычно не устраивала, а ничьих номеров из школы у меня не было. Прекрасная организация учебного процесса: отправить подростков на остров с сиренами, но не выдать памятку «кому звонить, если нашёл кровь».

— Привет, мам, ты занята? — спросила я, когда она ответила.

— Нет, кис. Что-то случилось?

Она сразу насторожилась. Обычно в это время я уже спала, а не звонила из магической школы посреди ночи с голосом человека, наступившего в потенциальное преступление.

— Я включу видео. Хочу показать кое-что.

Я переключила камеру и направила телефон на землю.

Мама молчала секунду.

— Кира, это кровь?

— Я не знаю. Наверное. Я одна, и номера преподавателей у меня нет. Да и вообще ничьих номеров из школы. Вот и позвонила тебе.

Я говорила быстро, оправдываясь заранее, будто меня могли отругать за то, что я неправильно нашла лужу крови.

— Хорошо, — сказала мама. Голос стал ровным, очень спокойным. Так она говорила, когда я болела или когда нужно было не дать мне испугаться сильнее. — Давай посмотрим вокруг. Медленно. Не подходи слишком близко, если увидишь кого-то.

— То есть идти по следам крови в лес — плохая идея?

— Очень плохая.

— Я уже почти пошла.

— Кира.

— Иду медленно.

— Это не улучшает ситуацию.

Я водила телефоном по сторонам, приглядываясь к земле и листьям. Следы действительно вели в сторону леса.

Почему в лес? Школа же совсем рядом.

Я шагнула в чащу. Не потому, что была смелой. Просто мысль о том, что где-то рядом может лежать живой человек, а я уйду спать, оказалась хуже страха.

Корни доходили до щиколоток. Листья цеплялись за одежду. В темноте лес пах сладкой гнилью, мокрой корой и чем-то железным. Фонарик выхватывал куски стволов, бле-

стящие листья, тёмные пятна на земле.

— Юра, подойди, пожалуйста, — сказала мама кому-то рядом.

Послышался шорох, затем голос отца:

— Что случилось? Что-то с Кирой?

Почему-то он звучал заранее недовольным мной. Хотя я ничего не сделала. Кроме, возможно, прогулки по кровавому следу в тропический лес. Но это детали.

— Она нашла кровь и не знает, к кому обратиться, — сказала мама. — Позвони Александру. Пусть найдет её и разберется, что происходит.

Отец выругался тихо. Кажется, подумал, что я не слышу.

— Кира, где ты?

— Возле общежития. Почти.

— Почти — это не место.

— На тропе от полигона природной магии. Следы ведут в лес.

— Ты пошла в лес?

— Немного.

— Кира.

— Если вы оба будете произносить моё имя таким тоном, кровь сама от стыда свернется.

— Остановись, — сказал отец жёстко.

Я остановилась.

И увидела её.

Беда лежала за маленьким холмом, у корней дерева. Ка-

тя. Уже не просто прозвище, не девочка, которая плакала на пляже, не та, что случайно направила на нас град. Катя. Бледная, неподвижная, с рукой, прижатой к животу. Вторая рука лежала ладонью вверх, пальцы были перепачканы землей.

Я не видела, поднимается ли её грудная клетка.

Мир сузился до маленького светлого круга фонарика.

— Кира? — голос мамы стал ближе. — Что ты видишь?

Я не ответила.

— Кира, зайка, посмотри на меня.

Я развернула камеру на себя и увидела мамино лицо. Она была бледная, но улыбалась. Не потому, что ей было спокойно. Потому что решила быть спокойной за нас обоих.

— Всё хорошо, моя милая. Девочке помогут. Ты сейчас не подходишь ближе, слышишь? Ты стоишь на месте и ждешь Александра.

— А если она жива?

— Тогда ей поможет взрослый.

— А если не успеет?

Мама на секунду закрыла глаза.

— Кира, ты не лекарь. И ты не знаешь, что с ней. Иногда помощь начинается с того, что ты не делаешь хуже.

Ненавижу разумные ответы. Особенно когда они правы.

— Как тебе земледелие? — вдруг спросил отец, появившись в экране сбоку.

Я посмотрела на него так, как позволяла видеосвязь.

— Сейчас?

— Да. Сейчас. Какое растение ты выбрала?

Он пытался переключить тему. Неловко, грубо, по-отцовски.

— Гимпи-гимпи, — сухо ответила я, бросив взгляд на Катю.

— Ой, гимпи-гимпи опасен! — тут же встряла мама. — Ты его руками, пожалуйста, не трогай. Вдруг ужалит.

— Да ну брось, оно не жалит хозяев, — сказал отец. — Растения всё чувствуют. Кто хозяин, кто враг. Они же живые.

— Замечательно, — сказала я. — Мой первый друг на острове — ядовитый куст.

— Не куст, — автоматически поправил отец. — Крапивное дерево.

— Пап, если я переживу ночь, мы обязательно обсудим ботанику убийственных растений подробнее.

Родители пытались отвлечь меня как умели, и у них почти получалось. Но взгляд всё равно падал на бледное тело у дерева. На руку. На тёмное пятно под ней. На то, как волосы Кати прилипли к щеке.

Сзади хрустнули ветки.

Я резко обернулась.

Из темноты вышел Александр Ллойд. Даже в ночном лесу, после цунами и вызова по тревоге, он выглядел так, будто шёл не к истекающей кровью ученице, а на деловую встре-

чу. Костюм тёмный, лицо собранное, трость в руке. Серебристый набалдашник слабо светился.

— Я разберусь, — сказал он.

И я почувствовала облегчение. Неправильное, но сильное. Стоять в тёмном лесу рядом с телом вряд ли живой однокурсницы — то ещё удовольствие.

— Юрий, Екатерина, спасибо, — произнес Александр, взглянув на экран моего телефона. — Дальше я сам.

— Перезвони потом, пожалуйста, — попросил отец.

— Разумеется.

Связь оборвалась.

Лес стал тише.

Александр подошёл к Кате, опустился рядом и на секунду положил пальцы ей на шею. Его лицо не изменилось.

— Жива? — спросила я.

Он не ответил сразу.

— Ситуация серьёзная.

Очень взрослый способ ничего не сказать.

— Кан, — Александр поднял на меня взгляд. — Сейчас вам нужно вернуться в общежитие.

— Я нашла её.

— Именно поэтому вы уже сделали достаточно.

— А Бойд? Он шёл к воде. Кристиан пошёл за ним.

На этот раз в глазах Александра что-то мелькнуло. Слишком быстро, чтобы понять. Тревога? Раздражение? Узнавание?

— Дорога до общежития безопасна, я проверил, — сказал он. — Дойдёте сами?

— Да.

— Тогда идите. И, Кира...

Я остановилась.

— Сегодня ночью вы ничего не видели, кроме раненой однокурсницы. Никаких выводов. Никаких разговоров с группой. До официального сообщения.

— Это приказ?

— Это забота.

Удивительно, как часто в этом мире забота звучала как угроза.

Я кивнула и пошла к корпусу. Спиной чувствовала его взгляд. Тропинка казалась длиннее, чем раньше. Световые шары над ней один за другим загорались, когда я проходила мимо, но от этого не становилось светлее внутри.

Дойдя до нашей гостиной, я остановилась и посмотрела в окно.

За куполом темнела вода. Волны катились к берегу спокойно, будто несколько минут назад не пытались стереть нас с острова. Где-то далеко прозвучала протяжная нота.

Лиза, стоящая рядом, скрестила руки на груди.

— Мне показалось, или я видела, как Кристиан спасал тебя от цунами?

Я подняла голову.

— Ты сейчас так не вовремя.

— И всё-таки?

У меня впервые появилась острая необходимость поделиться с кем-то увиденным.

— Я нашла Беду в лесу.

Лиза напряжённо уставилась на меня.

— Ты сказала преподавателю?

Я кивнула.

— И тебя попросили молчать до официального сообщения?

— Да.

Лиза поджала губы.

— Значит, он уже начал оформлять.

Она приобняла меня — неловко, коротко, будто сама не знала, имеет ли право, — и ушла.

Окно рядом заходило ходуном.

Пение. Или ветер. Я не знала.

Но впервые с момента прибытия мне показалось, что остров смотрит на меня в ответ.

А ночь была темна.

Глава III. Магические сети

Утром я проснулась разбитой.

Сон не отпустил сразу. Я ещё несколько минут видела чужие губы, беззвучно складывающиеся в слова, и девушку по ту сторону невидимой преграды. Она била ладонью в стекло — или то, что было стеклом во сне, — а потом вдруг переставала бороться и смотрела прямо на меня.

Не с упреком. С надеждой. Это было хуже.

Белый потолок общежития был совершенно нормальным: никаких трещин, теней и прочей драматичной ерунды, кото-

рая хотя бы честно сообщала бы, что вчера ночью всё действительно пошло не так.

Комната делала вид, будто ничего не случилось.

На тумбочке лежал телефон. Ни одного сообщения от родителей. Ни одного вызова. Тишина показалась почти оскорбительной.

За стеной кто-то смеялся. В ванной ругались из-за очереди к зеркалу. В коридоре шипела зачарованная щётка — судя по звукам, она проигрывала битву с чьими-то кудрями.

Мир жил. Именно это бесило сильнее всего.

Я села слишком резко, и голова отозвалась тупой болью. На секунду комната качнулась, будто корпус школы стоял не на острове, а на палубе корабля.

— Прекрасно, Кан, — сказала я себе. — Сегодня ты выглядишь особенно живой.

Отражение в зеркальной дверце шкафа молча подтвердило: врать самой себе я умею плохо.

Я умылась ледяной водой, натянула форму, собрала волосы кое-как и вышла из комнаты.

Общая гостиная шестой группы обычно напоминала смесь дорогого отеля, подросткового лагеря и зоны ожидания перед катастрофой: мягкие диваны, тёмное стекло, живые панели на стенах и предупреждения вроде «Не поджигайте шторы. Они помнят».

Сегодня здесь было неправильно тихо.

Ребята стояли и сидели маленькими группами, но почти

не разговаривали. Кто-то застыл на последней ступеньке, не решаясь идти дальше. На столе валялась недоеденная булочка. В углу лампа мигала, словно нервничала вместе со всеми.

У камина, которого в тропическом климате быть не должно было, стоял Александр Ллойд.

Ночь не стала подарком даже для него: тёмные тени под глазами, чуть перекошенный воротник, крошечное бурое пятно на манжете. Костюм он либо не сменил, либо сменил на точно такой же — что тоже было в его стиле.

Даже помятым Александр выглядел не растерянным, а раздражённым тем, что реальность посмела доставить ему неудобства.

— Доброе утро, шестая группа, — произнёс он.

Голос был ровным, как гладкая сталь. У меня внутри всё сжалось.

Вот так, видимо, объявляют неприятные вещи. Без дрожи, без пауз, без человеческого «мне жаль». Просто ставят перед фактом, как перед расписанием.

Александр несколько секунд смотрел не на группу целиком, а на каждого по отдельности, будто отмечал: кто плакал, кто прятал глаза, кто злился, кто уже готов поверить любой официальной версии, лишь бы не думать самому.

На мне его взгляд задержался чуть дольше. Я невольно выпрямилась.

— С сегодняшнего дня Бойд Райли и Екатерина Анисимова исключены из школы, — сказал он.

Настольная лампа рядом со мной разлетелась. Не громко. Не эффектно. Просто стеклянный плафон треснул и осыпался на стол мелкой искристой крошкой. Кто-то вскрикнул. Несколько человек отшатнулись. Я смотрела на осколки и не сразу поняла, что это сделала я.

Беда.

У неё было нормальное имя. Конечно, было. Просто мы лениво заменили его прозвищем, потому что так удобнее. Беда — смешнее, легче, безопаснее.

Екатерина Анисимова — человек.

Человек, который вчера лежал в лесу, бледный, почти прозрачный, с рукой на животе.

— Формулировка «исключены» означает, — продолжил Александр, будто лампа не взорвалась, — что оба студента более не числятся в составе четвёртого корпуса. Подробности произошедшего не подлежат обсуждению между учащимися.

— Она умерла? — спросил кто-то хрипло.

Я не поняла кто. Может, я сама.

Александр медленно повернул голову.

— Подробности не подлежат обсуждению, — повторил он.

Это был ответ. Взрослый, официальный, аккуратный, без капли утешения. Вторая лампа взорвалась уже громче.

Осколок просвистел мимо и царапнул мне руку. Несколько человек одновременно отступили.

Вот теперь сомнений в источнике неконтролируемой магии не осталось.

— Кира, — произнёс Александр.

Не повысил голос. Не сделал замечание. Просто назвал моё имя. И от этого стало хуже.

Я сжала кулаки, пытаюсь удержать себя внутри тела, внутри кожи, внутри этих проклятых правил, которые все вокруг повторяли с таким видом, будто правила могут защитить от смерти.

— В связи с вашим состоянием занятия сегодня проведёт Алиса, — сказал Александр уже группе. — Через час второй полигон. Завтрак обязателен. Опоздания будут отмечены.

— Опоздания? — тихо переспросила рыжая любимица Рейчел, София. — У нас человек умер, а вы будете отмечать опоздания?

В гостиной стало совсем тихо. Александр посмотрел на неё.

— Именно поэтому, Морозова, опоздания будут отмечены. Дисциплина — единственное, что удерживает молодого волшебника от истерики, истерика — от всплеска, а всплеск — от новой смерти. Вы можете ненавидеть расписание, но сегодня оно удержит вас живыми лучше, чем сочувствие.

София побледнела, но не отвернулась.

Я вдруг поймала себя на том, что хочу ему возразить. Очень хочу. Сказать, что он бесчеловечный. Что нельзя так. Что смерть не становится менее настоящей от того, что её

спрятали под пунктами расписания.

Но где-то в самой неприятной части разума понимала: он не совсем неправ. И это бесило ещё сильнее.

Александр направился к выходу, но у двери остановился.
— И ещё. Любые слухи о сиренах, зачаровании, нарушении купола или действиях пограничной службы будут рассматриваться как распространение паники.

Он сказал это спокойно. Слишком спокойно. Сирены. Бойд. Кровь.

«Я проверил».

«Я разберусь».

Фразы из вчерашней ночи, ещё не ставшие подозрением, шевельнулись внутри, как что-то живое.

Александр ушёл. Гостиная выдохнула не сразу.

— Успокойся, пожалуйста, — попросил кто-то рядом и осторожно обнял меня за плечи.

Тимур.

Смешливый, лёгкий, будто вся школа была для него не смертельно опасным магическим учреждением, а странным приключением, где всегда можно отделаться шуткой.

Сегодня он не улыбался.

— Не трогай меня, — сказала я.

Получилось не зло. Пусто.

Он тут же убрал руки, но не отошёл.

— Как скажешь. Я просто подумал, что если ты взорвёшь ещё что-нибудь, лучше пусть это будет не рядом с моей го-

ловой. Она мне нравится. Привык к ней.

Несколько человек нервно фыркнули. Я посмотрела на него.

— Ты сейчас пытаешься меня рассмешить?

— Пытаюсь не дать тебе превратить гостиную в дизайнерский проект «После катастрофы». Пока выходит средне, но я стараюсь.

И, как ни странно, это сработало. Не развеселило, конечно. Веселье сегодня было бы слишком наглым. Но напряжение в груди чуть ослабло.

— Пойдём на завтрак, — сказал Тимур. — Там хотя бы можно ненавидеть мир с тарелкой.

— У меня нет аппетита.

— Это неважно. Александр сказал «обязательно», а я, в отличие от тебя, хочу умереть в глубокой старости, окружённый благодарными потомками и незаконно выращенными магическими помидорами.

— Почему помидорами?

— Потому что у Джойса это будет личная трагедия.

Я почти улыбнулась. Почти.

У выхода из гостиной нас догнала Лиза.

Не та Лиза, которая обычно угрожала кому-нибудь проклятием за съеденную булочку или спорила с Тимуром о том, что земледельцы — это не «садоводы с манией величия». Эта Лиза держала в руках блокнот в мягкой зелёной обложке и выглядела так, будто ночь сделала из неё взрослого че-

ловека без её согласия.

— Подождите, — сказала она.

Мы остановились. Тимур сразу открыл рот, но Лиза подняла палец.

— Не шути.

Он закрыл рот. Вот настолько серьёзно всё было.

Лиза села на подлокотник дивана и открыла блокнот. На первой странице ровным почерком было написано: «Марина Громова». Ниже: «Екатерина Анисимова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.